

Детектив Юлия Земцова

Анна Данилова

Крылья страха

«Автор»

Данилова А.

Крылья страха / А. Данилова — «Автор», — (Детектив Юлия Земцова)

Первое дело частного детектива Юли Земцовой едва не стало для нее последним. Расследуя убийство бизнесмена и его жены и пробираясь сквозь паутину фальшивых улик, Юля обнаруживает связь между этим страшным преступлением и бесследным исчезновением тринадцатилетних девочек – жертв маньяка, ее безжалостного и, казалось бы, неуловимого противника в этой смертельной игре...

© Данилова А.

© Автор

Содержание

Часть I	6
Глава 1	6
Глава 2	14
Глава 3	24
Глава 4	35
Глава 5	44
Глава 6	51
Глава 7	63
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Анна Данилова Крылья страха

Дорогой читатель Митес!

Желаю счастья, мира и
здоровья! А мне — любви —
то самое лучшее в жизни!

Учитайте, познавайте и
используйте удовольствие от
жизни! И творите сами!

Анне Даниловой (франц.)

Часть I

Глава 1

Он сказал, что она стала громко кричать. Она раздражала его своим криком и воплями, и тогда он не выдержал. Да, он так и сказал, что, если бы она не кричала, он бы, возможно, и не убил ее и что нож оказался в подвале якобы случайно, такой большущий охотничий нож, с каким ходят на медведя. А когда Юля спросила его, почему же на теле девочки обнаружили семь глубоких ножевых ран, хотя для того, чтобы заставить ее замолчать, достаточно было бы всего одной, он ответил, что после первого удара ему все стало безразлично и он вонзал нож во все мягкие участки тела, пока не понял, что девочка мертва. И тогда он снова сделал это. Словно ему было все равно, жива она или нет. Ведь тело-то было еще теплым.

Девочку нашли под трубой в подвале, засунутой головой вниз так, что всем, кто видел труп, казалось невероятным, как это вообще можно было вот так зверски втиснуть это хрупкое тельце в узкую щель между горячей трубой и ледяным цементным полом, да еще при этом согнуть ноги жертвы в коленях, приподняв нижнюю часть туловища. Сколько же силы понадобилось для этого. Зрелище было не для слабонервных. Особенно жутко смотрелись тонкие белые, в разодранных колготках бедра девочки, залитые кровью.

А Зименкова, убийцу, поймали в считанные минуты, когда он выбирался из подвала. Все-таки девочка кричала не напрасно.

* * *

Юля снова проснулась ночью и села на постели, чувствуя, как громко и часто стучит сердце и как невыносимо тяжело дышать. Крымов порекомендовал ей больше работать над собой. Легко сказать. Но что делать, если каждую ночь у нее перед глазами возникает окровавленный труп тринадцатилетней Саши Ласкиной, изнасилованной и убитой в подвале собственного дома, девочки, которая знала наизусть всего «Маленького принца» Экзюпери и написала своим детским почерком тридцать девять стихотворений о любви?..

Юля встала, зажгла свет в спальне и некоторое время потерянно сидела, не зная, что делать.

Крымов сказал, чтобы она звонила ему хоть в три часа ночи, если ее снова станут мучить кошмары, но сейчас-то было уже около четырех утра. Звонить или нет?

* * *

Юлия Земцова проработала в коллегии адвокатов всего один год, когда ей подсунули это бесплатное дело Зименкова. И как ни настраивалась она, как ни пыталась, пока ехала на Садовую осматривать труп, представить себе место преступления, увиденное потрясло ее. В подвале было много мужчин с хмурыми лицами – следователи прокуратуры, инспектора уголовного розыска, эксперты. Она так и не вспомнила, кто же именно ей позвонил и сказал, чтобы она приехала на место. Ей совершенно ни к чему было смотреть, как вытаскивают Сашу Ласкину из-под трубы, сдирая кожу с лица и груди. Ей бы хватило и фотографий. Что касается Зименкова, то, глядя на него, Юля никогда бы не подумала, что видит перед собой убийцу. Тонкое, интеллигентное лицо, спокойный взгляд, развитая речь. Подготавливаясь к защите этого мерзавца, она с каждой минутой все больше и больше убеждалась в том, что никакой она

не адвокат и что никогда не сможет защищать таких вот подонков, что ее женская сущность и непрофессионализм, помноженные на отсутствие опыта и чрезмерную эмоциональность, рано или поздно вынудят ее уйти из адвокатуры. Так оно и вышло. После суда над Зименковым, а суд этот постоянно откладывался и в общей сложности растянулся на восемь месяцев, она, покинув зал заседаний, вышла на улицу, глотнула свежего воздуха и чуть не потеряла сознание. И хотя на улице была весна и солнце щедро заливало распускающиеся деревья и кусты, а над головой раскинулось нежно-голубое апрельское небо, в ее ушах все еще продолжали звучать полные боли и горечи слова родителей Саши Ласкиной, проклинаящих ее, Юлию Земцову, адвоката, ЗАЩИЩАЮЩЕГО убийцу их дочери. И что самое удивительное – Юля так и не поняла, как это вышло, – Зименкову дали всего двенадцать лет. А ведь могли дать пожизненное, а то и смертную казнь. Она защищала его, абстрагировавшись от ужаса содеянного им, просто как человека с ослабленной психикой. Но мыслимо ли это: всего двенадцать лет?! Причем явно без какой-либо взятки судье, поскольку у безработного Зименкова денег не было, а из близких у него – только мать-пенсионерка. Неужели Юлия сумела убедить судью в том, что Саша Ласкина оказалась в подвале не случайно, что, несмотря на то что она была, как показала экспертиза, девственницей, она вела активную сексуальную жизнь и доказательством тому могли послужить показания ее одноклассниц. Кроме того, Саша явно спровоцировала Зименкова, поскольку была с ним знакома уже больше двух недель и всячески его унижала, удерживая на опасном расстоянии.

Правильно ли поступила Юля, показав на процессе обратную сторону жизни внешне скромной девочки? Кто от этого выиграл? Зименков? В день похорон Саши Ласкиной в камере, где он ожидал суда, ему отбили половые органы и сломали челюсть. «Неизвестно кто». А спустя месяц после суда его нашли в камере мертвым. Вот и разберись, где настоящая справедливость, а где – лишь на бумаге.

* * *

– Крымов, это я, – все-таки не выдержала она и позвонила.

– Кошмары?

– Кошмары.

– Да я тоже не сплю, – услышала Юля и сразу же пожалела о звонке: Крымов был не один. Очевидно, его очередная подружка должна вернуться домой пораньше и поэтому сейчас, прыгая на одной ноге, пытается попасть другой в трусики. Юля так явственно себе это представила, что физически, всем телом ощутила исходившую от голоса Крымова прохладу.

– Ты извини, что я позвонила.

– Я ОДИН. Так что можешь не торопиться бросать трубку. Ты мне прекращай раскисать и приходи в агентство вовремя. Постарайся еще часика два поспать, а потом прими холодный душ, позавтракай и приезжай. Короче, не расслабляйся.

– У нас новое дело? – немного оживилась она. Детективное агентство Крымова, бывшего следователя прокуратуры, которое он организовал вместе со своим другом Шубиным, бывшим инспектором уголовного розыска, стало для Юлии за последние полгода местом, где она проводила большую часть времени, стараясь найти применение своим силам и попробовать себя в роли частного детектива. И хотя пока ей поручали только самую черную и подчас бесполезную работу, состоящую в том, чтобы опросить, к примеру, всех жильцов многоквартирного дома на предмет выяснения личности по фотографии, или в слежке за каким-нибудь неверным мужем или женой, чисто психологически она чувствовала себя на новом месте много комфортнее, чем когда была адвокатом. И это при том, что Юля променяла пребывание в уютном кабинете юридической консультации на тяжелый физический труд с выматывающей многочасовой ходьбой по городу или простаиванием на одном месте в жару и холод, дождь и ветер.

Дел было мало, а уж интересных – тем более, но рядом были Крымов, Шубин и Надя Щукина – люди, которые после психологической травмы, связанной с делом Зименкова, помогли Юле немного забыться и поверить в свои силы.

– Я взял тебя не чай заваривать – у нас этим занимается Щукина, – а дело делать, – говорил ей всегда Крымов, когда чувствовал, что Юля вновь впадает в апатию и начинает курить одну сигарету за другой. – Спину держи прямо, с людьми говори повелительным тоном и старайся побольше находиться на солнце – помогает.

И Юля старалась делать все так, как советовал Крымов. Первые три месяца особенно. Она почти не смотрела в его сторону, а только слушала. Тридцатипятилетний Женя Крымов был голубоглазым брюнетом, бабником и вообще уверенным в себе, сильным человеком, словом, являлся полным контрастом светловолосой и черноглазой двадцатилетней закомплексованной донельзя Юле Земцовой и уже этим «давил» на нее, стараясь пробудить в ней интерес к жизни и растормошить ее как следует во всех отношениях. И растормошил. Была весна, хотелось любви, и Юля влюбилась в Крымова. Лучший друг ее бывшего мужа, Крымов, которого она знала больше пяти лет, вдруг предстал перед ней совершенно другим человеком – нежным, заботливым и любящим. Их роман длился целых три дня и оборвался так же внезапно, как начался: она увидела Крымова целующимся на улице с другой девушкой.

– У тебя весеннее половое недержание, – сказала ему Юля в этот же день, но только вечером, когда он пришел к ней домой на свидание. – А это диагноз, – и прогнала его. Всю ночь проплакала, а утром как ни в чем не бывало пришла на работу, выпила за компанию с Надей чашку кофе и, выслушав от своего бывшего возлюбленного план работы на день, пошла бродить по городу в поисках любовницы директора химического комбината.

– Юлия, ты меня слышишь?

Она очнулась и тряхнула головой. Неужели она задумалась и забыла, что разговаривает по телефону с Крымовым?

– Извини. Не похоже, чтобы я уснула, значит – задумалась. Так, что там у нас, новое дело?

– Есть кое-что, но пока не для тебя. Я Шубина с утра запрягу, чтобы он съездил в Балтийск и отыскал родственницу одного клиента. – И вдруг: – Юль, а ты не хочешь, чтобы я к тебе сейчас приехал?

Юля почувствовала, как тело ее заволновалось, а к щекам прилила кровь.

– Нет, не хочу. У тебя под рукой телефон, ты можешь набрать любой номер и попроситься в постель к любой красивой девушке нашего города. А мне это не нужно. У меня у самой есть телефон, и я могу.

– Вот и я о том же. – Голос Крымова изменился, стал жестче. – У тебя под окнами вот уже три вечера подряд стоит большая черная машина. Ты ПОЭТОМУ мне отказываешь?

– Может, и поэтому. Ладно, Крымов, давай не будем начинать все с самого начала. Я пришла к тебе работать, а не стелить постель. Ты, конечно, красивый мужчина, но не для меня.

– Тогда до утра, – судя по его тону, он обиделся.

– До утра. – Она положила трубку и вернулась в постель. Но укрывшись одеялом, вдруг так отчетливо представила себе обнаженного Крымова, что чуть не застонала от досады: к черту принципы! Она бы сейчас так сладко понежилась в его объятиях... «Но не звонить же ему еще раз!»

* * *

Агентство находилось на первом этаже старинного, недавно отремонтированного особняка, стены которого были выкрашены в приятный серый цвет, а белые наличники, освежающие и без того роскошные, европейского стиля окна с аккуратными решетчатыми рамами делали офис внешне схожим с деталью голландского городского пейзажа. Для Юлии внешний

вид места, где она работает, всегда играл большую роль, так же как и место, где она живет. Ее жизненные принципы практически с самого детства основывались на таких понятиях, как красота, стиль и комфортность, без которых, по мнению ее матери, воспитавшей Юлию такой эстеткой, жизнь потеряла бы всякую прелесть. И если в такой неухоженной стране, как Россия, порядок еще только предстояло навести, то, по мнению все той же мамы, нормальным людям не оставалось ничего другого, как строить государство в государстве, то есть свой собственный мирок в большом и грязном мире. И это касалось не только чистых стен и мебели, чаще всего приходилось окружать себя, как ни странно, НЕСЛУЧАЙНЫМИ людьми, а это оказалось куда более сложным занятием. Свои стены, свои люди, своя жизнь. Это стало, пожалуй, ее кредо. Но вовсе не означало, что Юля культивировала подобную чистоту, инстинктивно подражая своей матери. Юля была в меру ленива, и это делало ее жизнь нормальной, лишенной патологии.

Мама Юли жила в Москве со своим новым мужем. Юля же после неудачного брака с Земцовым осталась с его фамилией, двухкомнатной квартиркой и трехлетним опытом супружеской жизни. Основной причиной их развода, по мнению обоих, было полное отсутствие общих интересов и, как выяснилось, любви. Быть может, поэтому процедура развода прошла безболезненно и тихо.

* * *

Юля остановилась в нескольких шагах от крыльца своего офиса и внимательно посмотрела на стоящую на другой стороне улицы женщину в черном костюме. Она появлялась здесь вот уже три дня и, казалось, не могла решиться позвонить в дверь агентства. А в том, что эта особа приходила именно к ним, Юля нисколько не сомневалась: здесь в трех кварталах от здания, в котором располагалось агентство, не было ни одного магазина, учреждения или какого-либо другого общественного места, куда бы можно было войти такой представительной даме, как эта. Разве что к кому-нибудь домой, поскольку на Абрамовской улице, названной так в честь знаменитого купца Абрамова, в этих престижных домах жили наиболее обеспеченные горожане.

Юля чуть помедлила на крыльце, делая вид, что роется в сумочке в поисках ключей, и поняла, что рассчитала все правильно: она уловила боковым зрением, что дама двинулась прямо к ней. Минута, и она услышала приятный бархатистый, хотя и взволнованный голос:

– Здравствуйте.

Юля повернулась и увидела женщину совсем близко – она стояла по левую сторону от крыльца и теперь смотрела на Юлю снизу вверх. Это была высокая стройная блондинка с длинными прямыми волосами, узким лицом, на треть скрытым темными очками, одетая в черный облегающий костюм с довольно короткой юбкой, что наводило на мысль о том, что женщина еще молода и не стесняется своих ног. «Пришла нанять Шубина, чтобы тот проследил за ее мужем». Это была первая мысль, после того как Юля оценила стоимость костюма и духов незнакомки. В эту дверь входили только очень состоятельные люди, и не потому, что Крымов столь высоко ценил работу своего персонала, просто очень много денег уходило на оклады так называемым «внештатным» сотрудникам, официально работающим в прокуратуре и угро, моргах и криминалистических экспертных лабораториях, не считая невидимых агентов, целыми днями названивающих в офис и докладывающих о результатах своей кропотливой и нудной работы. Плюс еще счета за аренду здания, телефон, электричество и горячую воду.

– Здравствуйте, проходите пожалуйста, – Юля постаралась улыбнуться, хотя особой причины для этого на сегодняшнее утро у нее не было.

Женщина поднялась на несколько ступенек и, лишь оказавшись совсем близко к Юле, пробормотала извиняющимся голосом:

– Вы знаете, я кружу вокруг вашего агентства вот уже несколько дней.

– Три дня, если я не ошибаюсь, – не выдержала Юля, открывая дверь ключом и приглашая потенциальную клиентку войти.

– Да, правильно. Но вот как представлю, что мне придется разговаривать с мужчинами... ведь у вас работают в основном мужчины.

Юля решила ее на этот раз не перебивать: пусть говорит.

– ...и вот увидела вас.

В агентстве еще никого не было, Щукина почему-то задерживалась, а потому рассчитывать на кофе пока не приходилось.

Юля провела посетительницу в серый и неуютный кабинет шефа с закрытыми плотными жалюзи и спросила:

– Зажечь свет, или вы не хотите, чтобы я видела ваше лицо?

Возникшая пауза подсказала Юле, что она угадала тайное желание посетительницы. Что ж, Крымов всегда предупреждал своих работников о том, что контора у них специфическая и что с клиентами нужно обращаться как можно бережнее.

– Тогда поговорим в полумраке. Я вас слушаю.

Юля сидела за столом Крымова, спиной к большому окну и в отличие от собеседницы могла слегка рассмотреть ее. «Породиста, роскошна, с проблемами, богата, ревнива...»

– Только пообещайте, что не примете меня за сумасшедшую.

«Хорошенькое начало».

– Не беспокойтесь, можете рассказывать мне все. И поверьте, если это будет в наших силах, мы вам поможем. – Юля вдруг почувствовала, что ранняя посетительница становится ей неинтересна. Кроме того, сильно раздражал факт, что дама явно тянула время.

– Ведь это детективное агентство? Или сыскное? Вы ищете?

– Мы делаем ВСЕ.

– Понятно. Значит, так. Начну с главного. Вот уже примерно неделю я живу в доме человека, который называет меня своей женой. Этого человека зовут Сергей Садовников. Насколько мне известно, он бизнесмен и очень богатый человек.

– Подождите, я что-то не поняла. Как это ЖИВЕТЕ?

– Он называет меня своей женой... Лорой. Но я не его жена. Я вообще не знаю, ЧЬЯ я жена. Я знаю, что у меня точно был какой-то муж, семья и, кажется, даже дети, но мой муж был много старше меня и лысоват. А Сергей Садовников молодой красивый мужчина, прекрасный в постели и все такое... Вот вы смотрите сейчас на меня и думаете, что я умом тронулась... Но это не так, поверьте. Ведь в жизни...

Юля вдруг вспомнила, что забыла включить магнитофон, как ее учил Крымов. Кажется, все самое интересное она уже пропустила и не записала. «Идиотка!»

– Подождите минуточку, кажется, я оставила закрытой дверь. А я жду клиента. Извините ради бога... – Юля вышла из кабинета и сделала вид, что действительно открыла наружную дверь, но когда вернулась, то, проходя мимо стеллажа с аппаратурой, незаметно включила магнитофон и даже услышала едва различимый шелест пленки.

– Значит, говорите, Сергей Садовников. Мне знакома эта фамилия. И вы – его жена?

– Да нет же, говорю вам, – женщина перешла на шепот: – Мне кажется, что со мной что-то произошло. Точнее, с моей памятью. Но в его доме я нашла альбомы с фотографиями... с МОИМИ фотографиями... Мы с ним на море, на теплоходе. И везде – Я. Понимаете, мне страшно. Мне незнакома эта большая квартира, мебель, особенно кровать. У нас была совершенно другая кровать, испанская, я точно помню, с резной широкой спинкой и инкрустациями. А мой НАСТОЯЩИЙ муж был смуглый и худой мужчина. И он – не Садовников.

– А имя-то свое вы помните? – с недоверием в голосе спросила Юля, которая уже поняла, что видит перед собой не вполне здоровую женщину.

– Нет, не помню, – тяжело вздохнув, проговорила посетительница и пожала плечами. – И как вы думаете, зачем я к вам пришла?

– Даже и не знаю. И зачем же?

– Вы сейчас разговариваете со мной как с маленькой девочкой. А я пришла к вам с надеждой, что вы поможете мне найти себя. По-идиотски звучит, верно? Но мне бы хотелось, чтобы вы отыскиали мой настоящий дом и моего мужа, если он, конечно, был. Главное условие – вы должны верить мне и не считать меня больной. В противном случае все, что я буду вам сейчас говорить, окажется бессмысленным. Ведь в жизни случается всякое. А что, если меня, к примеру, привезли сюда из другого города? Я читала про такое в книгах. Или же кто-нибудь проводит надо мной какие-то опыты?! Сейчас вы имеете возможность оценить, что мыслю я вполне логично и здраво. Я не больна. Я совершенно здорова. Что, если меня напичкали какими-нибудь препаратами, чтобы вызнать какую-то информацию, мало ли?.. Я чувствую себя совершенно растерянной, и мне очень неприятно сознавать, что со мной происходит что-то непонятное. Мне трудно это объяснить, но Садовников ведет себя, как бы это сказать... ИДЕАЛЬНО, что ли... Он ведет себя так, словно я действительно его жена. Он очень нежен со мной, ласков. И, если уж быть до конца откровенной, мне даже НРАВИТСЯ быть его женой. Возможно, что раньше я была замужем за мужчиной такого ранга, что кому-то было просто выгодно перевезти меня в другой город, чтобы шантажировать его.

– Кого? – спросила совершенно сбита с толку Юля. – Кого шантажировать?

– Да мужа моего, конечно, кого же еще?!

– А почему вы решили, что ваш муж был ТАКОГО ранга? – Юля выразительно приподняла руку кверху. – Это ваша интуиция или вы помните какие-то детали?

– Да вы посмотрите на мои руки! – блондинка протянула руки и, сверкая свежим лаком на длинных ногтях и бриллиантовыми перстнями, помахала ими перед самым носом Земцовой. – Они же холеные!

И вдруг она, закрыв лицо руками, повалилась на стол и всхлипнула:

– Как же все это дико! Словно мне приделали другую голову. Я ничего не понимаю, ничего. И этот Садовников. Я называю его Сережей, а ведь мы с ним совершенно незнакомые люди. – Она подняла голову и посмотрела на Юлю затуманенным взглядом, словно мысли ее витали далеко-далеко. – Мы спим с ним, он рассказывает мне о своих делах...

– Послушайте, а вам никогда не хотелось назвать его другим именем? – вдруг осенило Юлю. – Ведь мы, женщины, подчас называем своих мужей именами других своих мужчин. Вот я и подумала.

– Да, кстати. Хотела, и не однажды. Но только в первый раз мне хотелось назвать его Сашей, а вот совсем недавно чуть не сорвалось с языка совершенно другое имя – Валя.

– И никого из этих мужчин не помните? Ни Сашу, ни Валентина?

– В том-то и дело, что нет.

– В принципе я все поняла, но для того, чтобы помочь вам отыскать следы вашего прошлого, потребуются время и все детали, даже мельчайшие, которые сохранились в вашей памяти. Быть может, вам было бы удобнее все это записать на бумаге? Постарайтесь вспомнить расположение комнат в вашей прежней квартире, куда выходили окна и что вы могли из них видеть, быть может, какой-нибудь характерный пейзаж. Это позволит нам побыстрее сориентироваться в ситуации.

– Да-да, кое-что я действительно помню. Вид из окна нашей спальни был довольно неприятный – стена дома, окна и мелькающие в них люди.

Хлопнула входная дверь – это пришли Крымов или Надя Щукина. Юля вздохнула с облегчением. Крымов прослушает магнитофонную запись и сразу же откроет Юле глаза на клиентку-пациентку: здорова ли она и стоит ли браться за подобное дело.

– Кстати, как вас называть? – Юля встала из-за стола и вдруг поймала испуганно-недоверчивый взгляд посетительницы. – Да вы не волнуйтесь, я встаю, чтобы сходить за кофе.

– Ах, кофе. Да уж, чашка горячего кофе сейчас бы не помешала. А что касается моего имени, то называйте меня Лорой, так же как Садовников, поскольку своего настоящего имени я не помню.

– Я покину вас, Лора, всего на несколько минут, а вы за это время постарайтесь написать все, что припомните о себе. – Юля положила перед Лорой стопку бумаги и дала ручку. – И подумайте над тем, чтобы обследоваться. Я имею в виду не ваше психическое состояние, а состав крови, к примеру. Возможно, что вас действительно кололи сильными препаратами, в результате чего вы и потеряли память.

И опять этот недоверчивый и испуганный взгляд.

Юля вышла из кабинета и быстрым шагом направилась в приемную, где царствовала Надя Щукина. Это была просторная светлая комната с двумя письменными столами, мягкими креслами и диванчиками для посетителей. Здесь к услугам клиентов был большой выбор сигарет, повсюду стояли хрустальные сверкающие чистые пепельницы, а у вежливой и всегда неизменно улыбающейся Нади можно было спросить не только кофе, но и глоток спиртного.

Наде исполнилось тридцать два года, она была некрасива, но обаятельна, поэтому появлявшиеся здесь клиентки, ожидая увидеть в хозяйке этой роскошной приемной потенциальную соперницу – надменную красавицу секретаршу с длинными ногами и размазанным лицом, всегда приятно удивлялись, когда перед ними возникало симпатичное низкорослое существо с веселыми карими глазами и копной рыжеватых блестящих волос. Крымов знал, как обаять клиентов, а потому и взял на место секретарши умную и расторопную Щукину, которая отвечала, конечно же, не только за кофе, бутерброды, сигареты и пепельницы, но и за всю работу, связанную с экспертизами. Проработав пять лет экспертом в НИЛСЭ (научно-исследовательская лаборатория судебных экспертиз), Надя Щукина по семейным обстоятельствам была вынуждена уйти с работы, но после развода, сопровождавшегося непрерывными скандалами и претензиями со стороны амбициозного и неумного мужа, шесть месяцев искала работу, пытаясь восстановиться в прежней системе НИЛСЭ. В это время ей и встретился Крымов, который, объяснив молодой женщине, в чем будет заключаться ее задача как секретарши частного детективного агентства, попросил Надю представить ему список всех работников НИЛСЭ, которые, по ее мнению, смогут сотрудничать с агентством. И Надя, сообразив, чего от нее добивается будущий шеф, уже на следующий день принесла ему такой список, причем против каждой фамилии стояла краткая, но довольно емкая характеристика не только как специалиста, но и как человека. Деньги – основной рычаг, которым успешно пользовался Крымов, – сработали и в этот раз: практически весь список вошел в платежную ведомость Крымова. И хотя оклады экспертов были мизерными, работать в таком стабильном режиме было одно удовольствие. Когда возникал вопрос о необходимости экспертизы, Наде Щукиной стоило только поднять трубку, связаться с нужным человеком – механизм приходил в движение, и результаты не заставляли себя долго ждать. Если какое-либо дело параллельно расследовалось органами правопорядка, срабатывали старые связи самого Крымова и Шубина с прокуратурой и уголовным розыском. Из хорошо оплачиваемых источников в этих же самых инстанциях они добывали практически весь интересующий агентство материал.

* * *

– У тебя клиентка? – спросила Надя, встречая Юлю на пороге приемной и хитро сощурилась. – Та самая, которая ходила кругами вокруг нас и боялась войти?

– Как, ты тоже заметила? Слушай, Надя, две чашки кофе, пожалуйста. Ты себе не представляешь, что это за экземпляр. Очень странная история, жду не дождусь Крымова, чтобы рассказать.

– Кофе готов. Разве ты не почувствовала его аромат еще в коридоре? – Надя проворно поставила на поднос чашки с дымящимся кофе и стакан с минеральной водой, положила рядом пачку сигарет. – Ну давай беги, потом придешь расскажешь.

– Не представляю, как ты все успеваешь. – И Юля, подхватив поднос, понеслась в сторону кабинета шефа. С трудом открыв дверь, она почти ворвалась туда, но так и застыла на пороге, обнаружив, что кабинет пуст. Посетительницы и след простыл. И только слабый запах духов говорил о том, что Лора Садовникова ей не померещилась.

Подумав о том, что Лора могла просто выйти из кабинета и отправиться в поисках туалета, она подождала некоторое время, стоя возле стола и прихлебывая кофе, после чего не выдержала и решила заглянуть в туалет. Но Лоры там не было. Тогда Юля вернулась в кабинет и, желая прослушать запись ее разговора с Лорой, разбаррикадировала замаскированный под архивную папку магнитофон и была просто потрясена, когда обнаружила, что кассеты с пленкой нет.

Она вернулась к Наде и тихо опустилась в низкое мягкое кресло, которое словно обняло ее, успокаивая.

– Что с тобой? – Надя присела рядом и попыталась заглянуть ей в лицо.

– Она ушла, представляешь? И забрала пленку с разговором. Словно ее и не было.

Глава 2

Для конца сентября это была слишком теплая погода. Совсем как летом. И было много солнца. Поэтому, наверно, стоило Юле открыть жалюзи, как весь кабинет сразу же заиграл светящимися веселыми полосками, словно приглашающими занятых делом людей бросить все и выйти на улицу, погулять по желтым солнечным аллеям, подышать сухим горьковатым воздухом и полюбоваться на ярко-синее сентябрьское небо в кружащихся голубях.

Крымов барабанил пальцами по столу и смотрел на старавшуюся выглядеть спокойной и независимой Земцову. На нем были темный костюм и рубашка в мелкую серую полоску, галстук, расшитый под золото и рубины, а сбоку, под пиджаком, виднелась кобура. Юля была в своем любимом зеленом платье, облегающем, простом, но обошедшемся ей полгода назад в шестьсот долларов. Она старалась не смотреть на себя в зеркало, висевшее на левой стене и притягивающее взгляд. Юля и без него знала, что от утренней интеллигентной бледности на ее лице не осталось ровным счетом ничего, что щеки ее пылают, черные глаза влажны от близких слез досады, а морковного оттенка помада наложена уже пятым слоем, поскольку губы еще перед приходом Крымова она успела раз сто искусать и съесть помаду вместе с Надинными бутербродами. Что касается волос, то если бы не гель в сочетании с воском, ее пушистые пепельного оттенка волосы сейчас вместо строгой укладки стояли бы от ужаса перед гневом Крымова просто дыбом!

– Значит, говоришь – ушла?! – переспросил он уже во второй раз. – Лора Садовникова... – он хмыкнул. – Интересно. А про деньги она тебе ничего не говорила?

– Не успела. Я вообще не понимаю, как все произошло. Я пошла за кофе.

– Ты мне это уже говорила. Упустила клиентку, вот что ты сделала.

– Но ведь если она здорова и действительно нуждается в нашей помощи, то обязательно объявится не сегодня-завтра. А если у нее не все в порядке с мозгами, то зачем нам такая клиентка? Ты же не станешь сейчас звонить Садовникову.

– Конечно, нет, о чем ты... – Крымов поднялся и резко взъерошил волосы. – Да ладно, мать, не расстраивайся. Может, ты и права. Надо будет – придет сама. Но история интересная. Просто блеск! Обожаю подобные дела, когда все непонятно и с каждой минутой становится еще непонятнее. Даже обидно будет, если окажется, что твоя Лора обыкновенная сумасшедшая. Это пошло и никому не интересно. Честно говоря, я от безделья просто не знаю, куда себя деть. Может, бросить все к чертовой матери и вернуться в прокуратуру? Но тогда я не смогу оплачивать свою огромную квартиру. Нет, лучше уж податься в мафию, хотя и там тоже практически оклад. Ну просто негде развернуться человеку!

Юля не успела увернуться, как он, обойдя стол, вдруг сгреб ее в охапку и поднял над полом.

– Слушай, птичка, почему ты не позволила мне сегодня утром приехать к тебе?

– Отпусти, Крымов, ты мне сломаешь все ребра.

– И то правда. А что ты такая невесомая? Ты что, совсем не ешь? Ну-ка подойди к зеркалу, – он опустил Юлю на пол, подвел к зеркалу и придирчиво начал осматривать ее. – Приподними-ка подол платья.

– А это еще зачем? Крымов, никогда бы не подумала, что ты настолько озабочен, что удовлетворишься видом моих обнаженных ног.

– Не хами. Лучше скажи, зачем ты носишь это ужасное платье? Оно же длинное. У тебя изумительные ножки, а ты их прячешь. Неужели в тебе после нашего бурного романа не осталось ни капли кокетства, неужели я отбил у тебя интерес к мужчинам?

– Женька,пусти. – Она едва успела вырваться из его объятий, как в кабинет постучали. Юля метнулась в угол и замерла там, делая вид, что рассматривает искусственную пальму, а Крымов сочным и почему-то удивительно довольным тоном гаркнул:

– Войдите!

Появилась Надя. На лице ее играла усмешка. Казалось, она могла видеть сквозь стены.

– Там к тебе пришел один господин.

– Кто такой?

Надя протянула визитку. Юля повернула голову и, взглянув на Крымова, поразилась его реакции: он едва сдерживал свою радость. Когда Надя ушла, Крымов, перед тем как позволить уйти и Юле, проговорил с нескрываемым весельем:

– Представь... Садовников! Говорю же – блеск! Ты иди, я тебе потом все расскажу.

Она пожала плечами и вышла из кабинета, но в коридоре, конечно же, встретилась с Садовниковым. Высокий, молодой, с ироничным лицом, во всем черном. Голубые глаза разбегают на ходу. И она поняла странную посетительницу, женщину, которой понравилась роль жены этого роскошного мужчины. Здесь действительно было над чем подумать и что выбрать.

Садовников скрылся в кабинете Крымова. «Интересно, Женя успел вставить в магнитофон новую кассету?»

– Не расстраивайся, – сказала ей Надя, которой ничего не надо было объяснять. – Я понимаю, как тебе хотелось присутствовать при разговоре, но зато Садовникову бы не понравилось, если бы его слушала и женщина. Люди все такие разные и одновременно одинаковые, что иногда не составляет никакого труда угадать, кто и зачем пришел.

– Вот и я тоже так думала, когда появилась эта Лора. Я просто была уверена, что она хочет проследить за своим мужем, а она выложила мне эту странную историю.

– Насчет Лоры ничего не скажу, а вот что касается Садовникова, то здесь ты можешь не сомневаться – он действительно пришел, чтобы поручить нам выяснить, есть ли у его жены любовник. Это было написано на его лице. Красивый, сукин сын, скажи?

Юля кивнула.

– У тебя такой кислый вид, что так и хочется угостить тебя пирожными. Я же сказала тебе – не расстраивайся, тем более что тебе только что звонил твой поклонник.

– Опять ЭТОТ?

– Этот! – хохотнула Надя. – Мне только непонятно, почему он тебя так раздражает?

– А тебе бы понравилось, если бы за тобой ездила большая черная машина с каким-нибудь монстром за рулем? Ведь я ни разу не видела его и не представляю, кто этот человек. И что толку от его цветов, если я даже не знаю, сколько ему лет?

– Ты упрямая девица. Я же предлагала тебе выяснить, кому принадлежит этот «мерс», но ты сама отказалась.

– Можно подумать, что вас с Крымовым это остановило. Да я больше чем уверена, что вам уже давно известно имя этого человека и вы только и ждете, когда я сама начну интересоваться им. Играем в какие-то детские игры. Ладно, Щукина, выкладывай, кто это?

– Ломов.

– Поконкретнее, пожалуйста.

– Наши услуги дорого стоят.

– И все же?..

– Не последний человек в городе, скажем так.

– Надя, если он не последний человек, как ты говоришь, в городе, значит, он стар и лыс. Или же просто бандит. Все, больше мне пока ничего не говори. Я слышу голоса, это у Крымова открылась дверь, пойду-ка я еще разок взгляну на Садовникова. Вот если бы ОН присылал мне цветы и гонял за мной на машине, тогда бы я не торчала здесь с вами в ожидании клиентов.

Она видела, как Крымов провожал клиента до выхода, и, дождавшись, пока за Садовниковым закроется дверь, направилась к шефу.

– Могу поспорить, что ты ничего не рассказал ему о визите его жены, так? – спросила она, удобно устраиваясь на высоком черном стуле.

Крымов вернулся за свой стол и посмотрел на Юлю подозрительно серьезно.

– Ты знаешь, я ему действительно ничего не рассказал о визите жены. Я вдруг подумал, а что, если та женщина не имеет к Садовникову никакого отношения? Но потом, когда он попросил меня проследить за его женой и дал мне несколько ее фотографий, я подумал, что дело еще интереснее, чем могло показаться в самом начале. Вот, взгляни, это она?

Юля держала в руках цветные снимки, на которых была изображена красивая блондинка в черном облегающем трико и балетной юбке, явно и с удовольствием позирующая невидимому фотографу.

– Да, это она. В этом трико она выглядит просто потрясающе. Думаю, что снимки сделаны несколько лет назад.

– Правильно. Умница. Этим фотографиям больше пяти лет. Ну и как, она сильно изменилась?

– Нет, почти не изменилась. Не располнела, такая же холеная. Словом, эта особа выглядит так, словно за ее телом присматривает добрый десяток массажистов, косметологов и тому подобных. Садовников подозревает свою жену в измене?

– В общем-то, да. Доказательств никаких, она практически все время проводит дома, занимается хозяйством, собой, много читает. Развлекается очень просто – организовала маленький женский клуб, состоящий из нескольких подруг. Они собираются раз в две недели, пьют чай и пытаются инсценировать пьесы. Совершенно невинное, на первый взгляд, развлечение.

– А почему только на первый взгляд? Ты предполагаешь, что это клуб лесбиянок?

– Юля, я что-то не узнаю тебя. Да мне это бы даже в голову не пришло! Какое испорченное воображение.

– Может быть. И что же дальше? На каком основании он строит свои подозрения?

– На... билетах. Точнее, на авиабилетах. А если быть еще более точным, то на обрывках билетов. Он наткнулся на них совершенно случайно, когда рылся в мусорном ведре, куда по ошибке выбросил обручальное кольцо.

– И где эти обрывки?

– Они у меня. Он догадался положить их в целлофановый пакет.

– Он подозревает, что к Лоре кто-то прилетал на самолете?

– Прилетал или она сама летала к кому-нибудь. Но почему-то тайно.

– Вы разговаривали не больше сорока минут. Неужели за это время успели поговорить обо всех родственниках, знакомых, соседях и прочем?

– Он деловой человек и пришел ко мне с уже готовым списком всех знакомых, с адресами и телефонами, фотографиями и даже видеокассетой.

– Надеюсь, ты догадался расспросить его о здоровье его жены? А что, если она, почувствовав, что с нею творится что-то неладное, решила сама найти хорошего специалиста и показаться, скажем, в одной из московских клиник. Не знаю уж почему, но это первое, что пришло мне в голову.

– Вполне возможно. Но Садовников сказал, что его жена внешне выглядит совершенно здоровым человеком, и на мой вопрос, не страдает ли она каким-либо психическим заболеванием и нет ли в ее роду шизофреников, он покраснел и заявил, что в этом плане в их семье все в порядке.

– Что ж, тем лучше. Ты будешь работать самостоятельно или поручишь мне заняться Лорой?

– Мне надо все обдумать. В первую очередь я хочу тебя спросить: ты готова к тому, чтобы сесть за руль? Я знаю, что твоя машина уже давно стоит на приколе и ты за все лето ни разу не открывала гараж. Сколько тебе потребуется времени, чтобы привести машину в порядок?..

– Нисколько. Она и так в полном порядке. Неужели ты хочешь поручить мне последить за Лорой? Или мне это только снится?

– Уже пора. Я сейчас сделаю копию записей Садовникова, из которых ты почерпнешь всю информацию относительно его жены и всего, что с ней связано, начиная с адреса и телефона, а я тем временем займусь самим Садовниковым. Интересная парочка, ничего не скажешь. Ты довольна?

– Конечно. Мне только непонятно, почему ты раньше не позволял мне следить за клиентами на машине? Боялся, что я нахожусь не в том психологическом состоянии?

– И да и нет. Понимаешь, просто раньше я не видел в твоих глазах того блеска, который обычно бывает у охотничьих собак. Видела бы ты себя, когда ты рассказывала о Лоре! Я уже говорил тебе, что работа у нас необыкновенная, она требует страсти. Мне кажется, что как раз сейчас наступил момент, когда ты сможешь уже сама, без моей помощи взяться за это дело. Ты ведь понимаешь, что оно не такое уж сложное, это тебе не убийство какое-нибудь.

– Ты хочешь поставить меня на место? Зачем ты так разговариваешь со мной?

– Чтобы ты правильно оценила мой жест. Ну что ты смотришь на меня так своими огромными глазами? Собираешься расцарапать мою физиономию?

– Знаешь, иногда я жалею, что пришла работать в твое агентство. Думаешь, приятно, когда к тебе относятся как к больному ребенку? И я сама не понимаю, почему я еще не ушла отсюда. Возможно, просто не настало время.

– Не кипятись. Я не сказал тебе главного – господин Садовников заплатил нам пять тысяч баксов наличными.

– Сколько?.. – вырвалось у Юли, поскольку она знала, что за такие деньги они месяц тому назад искали похищенную новорожденную девочку, да и то им тогда показалось, что это слишком большая сумма. – Пять тысяч долларов?

– И это только аванс.

– Ты что-то скрываешь от меня.

– Правильно. Он попросил меня заснять свидание его жены с предполагаемым любовником.

– Но если она чиста, тогда что мы будем делать? Возвращать деньги назад?

– Нет. Если она не изменяла мужу и эти билеты оказались в мусорном ведре СЛУЧАЙНО, то он даже и не вспомнит об авансе. Ты просто еще не поняла, с кем имеешь дело.

– Он бизнесмен, насколько мне известно.

– Казино «Плаза», ресторан «Тиль» и закусочные на набережной, «Радио-Архипелаг» – это все Садовников.

– В таком случае ты продешевил, – пожала плечами Юля. – Но все равно, у нас появился шанс получить зарплату, не так ли? Жаль, что Игорек сейчас далеко. В Балтийске, говоришь?

* * *

Получив от Крымова необходимые инструкции, сведения и деньги, Юля первым делом отправилась в гараж. Крымов не знал, что она все лето гоняла ночами по городу, чтобы не отвыкнуть от машины. Когда-то Юля почти жила в ней и даже иногда ночевала. Это было во время ее супружеской жизни, когда ей просто необходимо было побыть одной. Как ни уговаривал ее Земцов не дурить и ночевать дома, она роскошной мягкой кровати предпочла жесткие сиденья своего скромного белого «Форда», подаренного ей отчимом на двадцатилетие. Помнится, чувство свободы перемещения в пространстве тогда захлестнуло ее настолько, что

она чуть было не укатила путешествовать в одиночку по Крыму, но вовремя опомнилась и, испортив себе желудок пиццами, шашлыками и копчеными цыплятами, вернулась домой.

В Театральном переулке Юля оказалась ближе к вечеру. Пока выстояла очередь на железнодорожной станции, пока перекусила в пельменной, время и прошло. И вот теперь, разглядывая из окна автомобиля старый, красного кирпича, четырехэтажный «сталинский» дом, половину третьего этажа которого занимала квартира Садовниковых, она решила не спеша продумать свои дальнейшие действия. Итак, Лора. Что ей нужно от жизни? Либо всех запутать и в конечном счете обмануть мужа, либо разобраться в самой себе. И что это за авиабилеты, обрывки которых нашел Садовников? Что все это означает?

В десять вечера Юля, как проинструктировал ее Крымов, связалась с Садовниковым по сотовому телефону.

- Добрый вечер, это из агентства, – проговорила она, почему-то волнуясь.
- Я понял, – услышала она осторожный и тихий голос Садовникова. – Лора легла спать.
- Спасибо, – она отключилась и поехала домой.

* * *

Поднимаясь по лестнице, Юля услышала шорох и остановилась. «Трусиха, – отругала она себя и, вздохнув, поднялась еще на один лестничный пролет. – Это же кошки».

Но это были не кошки. Это была женщина.

– Вы меня не узнаете?

Юлия смотрела на нее и никак не могла припомнить, где она видела ее раньше. И вдруг на какое-то мгновение все вокруг поплыло и превратилось в душный и пряный мирок Эльвиры Басс – ее учительницы музыки, и Юля словно услышала ее низкий грудной голос, гортанный, чуть сорванный. Копна седых выющихся волос, чистое бледное лицо с тонким носом и полными губами, черными влажными глазами и впалыми матовыми щеками. Никто из учеников Басс не предполагал, что после выпускного вечера в музыкальной школе Эльвира Борисовна пригласит их всех к себе на чай. Она готовилась к приходу гостей и напекла много медовых пирожных, ореховых трубочек и сырных печений с ванилью и миндалем, поэтому в квартире было жарко и пахло горячим ароматным тестом. Эльвира Борисовна играла на маленьком кабинетном рояле, время от времени прикладываясь к хрустальному бокалу с черносмородиновым вином, после которого на крышке рояля оставались липкие круги. Сколько же ей было лет? Никто не знал. Женщина без возраста, она носила красивые вязаные и кружевные блузки, темные юбки и дорогую французскую обувь, которую ей привозил из Израиля ее сын. Как же давно это было!

Но сейчас перед Юлей стояла не Эльвира Басс, а точная ее копия, разве что потоньше и поизысканнее одетая.

– Вы похожи на Эльвиру Борисовну.

– Я ее дочь, Марта.

Но это Юле ни о чем не говорило. Ей всегда казалось, что в доме Эльвиры Борисовны жили только ее вещи и воспоминания о сыне.

– Вы ко мне?

– Да, я прождала вас на лестнице больше трех часов, но я была уверена, что вы в городе и никуда не уехали. Так мне, во всяком случае, сказала ваша соседка.

– Больше трех часов. Проходите, пожалуйста. – Юля поспешила открыть квартиру и впустила туда Марту. «Пожалуй, она будет чуть повыше своей матери». – Мне очень стыдно, но «Подражание народному» Хачатуряна мне так и не вернули. Вы ведь за нотами?

Она почему-то была уверена, что от Эльвиры могут приходить только за нотами.

– Нет, я пришла к вам только потому, что вы теперь работаете в детективном агентстве. Я знаю это от вашей матери, с которой пару месяцев тому назад ехала в одном вагоне в Москву. У нас беда.

У Марты были совершенно изумительные зеленые глаза, прозрачные и чистые, словно изумруды. Но всего в ней было слишком: слишком большие глаза, слишком полные губы, слишком бледная кожа, слишком крутые кудри на висках.

– Но почему вы не пришли прямо в агентство?

– Я бы хотела иметь дело с конкретным человеком, с которого можно было бы потом спросить за работу. Наша семья собрала деньги, и мы решили обратиться за помощью именно к вам.

– Но у меня еще мало опыта.

– Думаю, что он вам и не понадобится. Здесь самое главное – не спугнуть. Понимаете, у нас пропала Рита, моя дочь. Ей тринадцать лет. Хорошая тихая девочка. Замкнутая и сложная, как все подростки. Ее нужно найти. Если она мертва – то никакие деньги не помогут ее воскресить, если жива – то никаких денег не жалко, чтобы увидеть ее снова.

– Я ничего не поняла. Вы хотите, чтобы я искала ее САМА, не подключая к этому остальных сотрудников нашего агентства?

– Это ваше дело. Но мы знаем вас и потому обращаемся только к вам. В милиции нам уже отказали, это уж как водится. Сказали, что прошло всего два дня, что девочка «сама отыщется». Но Рита не такая, и если бы у нее была возможность позвонить, она бы непременно позвонила, она же знает, как мы переживаем, как волнуется ее бабушка.

– Я не могу действовать в одиночку, у меня есть начальство. Крымов – опытный следователь, и если чисто внешне он мог показаться вам слишком молодым или просто недостойным вашего доверия, то вы ошибаетесь.

– Мы не интересовались Крымовым... – перебила ее Марта. – Скажите, вы беретесь найти Риту? У вас есть возможности, связи. Если вы будете действовать не одна, мы не против, но деньги мы передадим только вам.

«Ну и денек».

Она смотрела на Марту и пыталась понять, почему во всем городе выбор семьи Басс остановился именно на ней, на Юле Земцовой? И вдруг ее бросило в жар: она все поняла. «Зименков! Они откуда-то узнали о том, что я защищала Зименкова». Все местные газеты писали тогда об этом процессе, и как всегда бывает в таких случаях, статьи, написанные разными авторами, заканчивались традиционным: имеет ли право такой зверь, как Зименков, вообще на защиту? Ведь, казалось бы, и так все ясно: око за око, зуб за зуб. О самой же Юле писали осторожно, отдавая дань ее усердию в подготовке к процессу и одновременно предлагая читателям самим разобраться в самой этике защиты убийцы.

– Хорошо, я согласна, – Юлия собралась выслушать Марту до конца. – Расскажите мне поподробнее о Рите. Если не возражаете, я принесу диктофон. Не беспокойтесь, он останется при мне. Никто из посторонних ничего не узнает.

Ее уже стало нервировать то, что окружающие ее люди панически боятся диктофонов, фотоаппаратов и прочей техники. Пусть все остается в воздухе, а не на бумаге. Дикари.

– Понимаете, как я уже говорила, Рита – девочка замкнутая и неразговорчивая. Учится хорошо, нас с мамой слушается. Но теперь об этом можно смело говорить в прошедшем времени. Потому что вот уже два месяца как мы просто не узнаем Риту. И хотя внешне она держалась по-прежнему тихо, я чувствовала, что с ней что-то происходит. Во-первых, надо начать с того, что она стала куда-то отлучаться днем. Мы были уверены, что она ходит на английский, на улицу Некрасова, к Альбине Георгиевне, и представьте себе мое удивление, когда Альбина звонит мне и спрашивает, почему это наша Риточка перестала брать уроки. Мы с мамой дождались Риту вечером и спрашиваем, где она была, и что, вы думаете, она ответила?

- У Альбины.
- Правильно. Она ОБМАНУЛА. А ведь раньше она никогда нас не обманывала.
- У нее появился мальчик?
- Вот и мы с мамой тоже так подумали.
- Но что же в этом плохого?
- Мы думаем, что они и сбежали вместе. Рита в последнее время читала знаете кого?
- Вальтера Скотта, – сказала Юля первое, что пришло в голову.
- Представьте себе – да! Но как вы догадались?
- Да потому что я тоже в ее возрасте читала Вальтера Скотта, но, по-моему, это самое безобидное чтение, какое только можно себе представить. «Айвенго», «Пертская красавица».
- Но потом Риточка резко перешла на Шарля Нодье, а это уже, знаете ли, французский классический роман. Это сплошные любовники.
- Но это тоже нормальное чтение. Это же не Генри Миллер, в конце-то концов. У девочки началось половое созревание, она встретила мальчика, влюбилась в него. Может быть, все не так трагично, как вам кажется?
- Как бы мы хотели на это надеяться. Мой муж умер год тому назад, и я чувствую себя ответственной за судьбу Риточки.
- Если вы хотите, чтобы я вам помогла, вы должны написать мне все ваши координаты, фамилии Ритиных подружек, учителей, адреса, телефоны, как обычно.
- Я все приготовила.
- Вот и отлично. А когда вы видели Риту в последний раз?
- 25 сентября, ровно два дня тому назад... и больше она дома не ночевала.
- Она не оставила записки?
- Нет, ничего. Она взяла с собой теплые вещи, – вдруг сказала Марта и растерянно посмотрела на Юлю.
- Что же вы молчали? Теплые вещи? И вы так переполошились?! Девочка пустилась в любовное приключение. Это не смертельно. Это даже нормально. Сейчас другое время. Многие подростки...
- Но она вдруг поняла, что и такхватила лишнего: осталось только продолжить фразу, сказать, что «многие подростки живут половой жизнью», и она тотчас потеряет клиентку.
- Многие подростки пытаются доказать родителям и в первую очередь себе, что они самостоятельны. Если ваша девочка взяла теплые вещи, значит, ее не украли, а она ушла САМА. То есть СОЗНАТЕЛЬНО. И будьте уверены – она позвонит. Переболеет независимостью и вернется.
- Так вы раздумали искать ее?
- Ни в коем случае. У вас есть описание ее вещей?
- Нет.
- Тогда напишите, я вам сейчас принесу бумагу и ручку и тем временем согрею чай. Если хотите, я угощу вас мартини.
- Коньяк, если можно, – неожиданно совсем по-деловому произнесла Марта и, получив от Юли бумагу и ручку, принялась сосредоточенно вспоминать детали одежды своей дочери.
- После ее ухода в квартире пахло почему-то эвкалиптовым маслом, нафталином и при- торными цветочными духами.
- Юля посмотрела на часы: половина первого ночи. «Ничего себе денек».
- Она решила позвонить Крымову, но вместо его голоса услышала лишь длинные тоскли- вые гудки. Стоило ей положить трубку, как зазвенел теперь уже ее телефон.
- Да, я слушаю.

– Добрый вечер, – услышала она низкий и чуть хрипловатый голос своего таинственного поклонника и почему-то обрадовалась ему, как старому знакомому. С его первого звонка прошло уже целых две недели.

– Добрый, – ответила она. – Скажите, а почему вы ведете себя так глупо? Звоните по ночам, ездите за мной на машине, присылаете цветы, вернее, оставляете нежные белые розы прямо на пороге. Чего вы хотите?

– Я хотел бы познакомиться с вами, но я значительно старше вас и боюсь вам не понравиться.

– Мне кажется, что вы занимаетесь всем этим просто от скуки. День закончился, и вам нечем заполнить свой вечер, вы выбрали жертву и теперь медленно, но верно идете к цели. Вы хотите, чтобы я стала вашей любовницей? Или дочкой? Или внучкой?

– Вы такая же несерьезная, как я, – вздохнул на другом конце провода ее собеседник и, как показалось Юле, даже улыбнулся с облегчением.

– Мне сказали, что ваша фамилия Ломов. Это так?

– Так. Но кто вам сказал? Крымов?

– Вы и его знаете?

– Я знаю многих. И мне нравится то, что вы дали ему от ворот поворот.

– Он вам не по душе?

– Да нет, пусть живет.

– Сколько вам лет?

– Много.

– Не хотите – не говорите. А мне уже пора спать. Спасибо, конечно, за цветы. Только не оставляйте их больше на пороге, по-моему, это просто кошунственно.

– Но вы позволите мне и дальше делать вам подарки?

– Только в том случае, если вы не будете настаивать на нашем близком знакомстве. Остановимся пока на варианте телефонного романа.

– Как вам будет угодно. Тогда не забудьте перед тем, как лечь спать, выглянуть из квартиры, чтобы забрать цветы. Спокойной ночи.

– Спокойной ночи.

Она положила трубку. Подошла к двери и посмотрела в «глазок» – на лестничной площадке как будто никого. И только после этого открыла и увидела у себя под ногами большой букет роз, завернутый в коричневую плотную бумагу. Она взяла букет в охапку и с удивлением и удовольствием обнаружила в нем белую картонную коробку, перевязанную красной лентой. Кто бы ей ни говорил, что принимать подарки от незнакомых людей неприлично, Юля все равно этому не верила. Получать подарки – всегда приятно, если только в коробке, понятное дело, не бомба. Кроме того, это весьма романтично.

«А почему бы и нет?..» – подумала Юля, закрывая за собой дверь и замерев перед зеркалом в прихожей с розами, прижатыми к груди. В этой фразе было все: а почему бы не позволить себе пофлиртовать с еще незнакомым Ломовым? А почему бы не позволить себе роман, и даже не телефонный? А почему бы не покататься на роскошной машине с престарелым любовником перед носом красавца Крымова? А почему бы...

Что в коробке? Она открыла ее и увидела прозрачную коробочку с вышитыми, ручной работы, английскими носовыми платками. Подарок был, безусловно, оригинальным и свидетельствовал о неординарности ее поклонника. Но вот как бы узнать, что именно он имел в виду, посылая ей носовые платки? Может, он думает, что она плакса? Чушь. Скорее всего он знает толк в таких вот шикарных и дорогих вещах. Это Крымов подарил бы коробку немецких безвкусных конфет, пошловатые духи «Мадам Роша» и букет революционных гвоздик. Ломов не таков. Но все же: кто он?

Вспомнив о Крымове, она снова набрала его номер. На этот раз трубку взяли.

- Женя, это я.
- Привет. Что, снова не спится?
- Я хотела тебе рассказать о Рите Басс.
- А кто это?
- Ты один? – она затаила дыхание и услышала даже, как тикает будильник в его спальне.
- Один, – горестно вздохнул Крымов.
- Вот и отлично, тогда слушай.

* * *

В шесть утра она была уже возле дома Садовниковых. Сидя в машине, Юля с трудом сдерживалась, чтобы не заснуть, не спасал даже прихваченный в термосе кофе. Она понимала, что такие «домашние» женщины, как Лора Садовникова, вряд ли встают раньше восьми-деяти часов, однако Крымов настоял на том, чтобы она установила наблюдение за их домом начиная с шести. И вот теперь, дрожа от утреннего озноба, Юля до ломоты в глазах вглядывалась в людей, выходящих и входящих в подъезд, где жили Садовниковы, и даже иногда фотографировала их, если находила интересное лицо. Откуда ей знать, а вдруг любовник Лоры живет на одной лестничной клетке с ней или, что вполне вероятно, у самого Сергея Садовникова рыльце в пуху. Ведь это только мужчины думают, что им, женатым, позволено ходить на сторону и это является чуть ли не нормой, но стоит женщине завести любовника, как подобное уже считается развратом.

Прошел час, другой, солнце осветило весь двор с детской площадкой, кустами акации и дикой смородины, а Садовниковы, похоже, еще крепко спали в своей постели или же завтракали.

...Юля вздрогнула, как будто ее кто-то окликнул. Так и есть – она задремала. Часы в машине показывали четверть девятого. Широко раскрытыми глазами она смотрела на дверь подъезда. Двор между тем заполнили собачники. Старушка гуляла с черным карликовым пуделем, парень в спортивном костюме, напоминающем расцветкой пижаму, держал на поводке раскормленного ротвейлера, мальчик тянул за собой огромного серого дога, который, несмотря на свои большие размеры, был еще явно щенком и не понимал, куда его тянут и зачем. Девушка в розовом сарафане вытирала о траву туфельки, словно случайно испачкала их, возясь с симпатичным рыженьким коккер-спаниелем, пытающимся уткнуться мордочкой в колени хозяйки.

Спустя полчаса двор и вовсе опустел. Дверь подъезда почти не открывалась. Юля, осушив еще пару стаканчиков кофе, вдруг поняла, что сделала это совершенно напрасно. Туалета в машине не было предусмотрено, а потому не оставалось ничего другого, как покинуть место наблюдения и искать общественный туалет. А ведь Крымов ее предупреждал, что перед тем как отправляться «на работу», нужно, чтобы желудок был почти пуст и чтобы из-за таких вот дурацких причин, как лишняя чашка кофе, не пропустить самого главного.

Наконец Юля осмелилась выйти из машины, чтобы попытаться решить свою проблему, не отходя далеко, тем более что поблизости манили сочной зеленью густые кусты. Это рядом с ним с полчаса тому назад гуляла по газону девица с коккер-спаниелем. Юле повезло – за те несколько минут, что она провела за кустами акации, во дворе не появилось ни одного человека. Вдруг ее внимание привлекла странная окраска травы под ногами. Она наклонилась и увидела, что трава в нескольких местах как будто измазана кровью. Создавалось впечатление, словно о траву вытирали обувь, настолько она была примята и растерзана. Здесь полчаса назад девушка в розовом сарафане действительно пыталась очистить о траву туфельки. А откуда вообще взялась эта девушка? Она вышла из подъезда, того самого, где жили Садовниковы.

Юля быстрым шагом направилась к подъезду и, остановившись возле двери, стала внимательно вглядываться в серые ступеньки. Никакой крови. Все чисто. Но девушка явно вытирала ноги в нескольких метрах отсюда.

Когда Юля, повернувшись на шорох, увидела прямо перед собой симпатичную мордочку коккер-спаниеля, прыгающего уже возле ее ног, ей стало и вовсе не по себе. Коккер гулял без поводка, возможно, он не имел никакого отношения к девушке в розовом сарафане. Влажный нос щенка обнюхивал Юлины сандалии, веселые глаза смотрели с надеждой. Солнце играло в рыжей блестящей шерсти. Во дворе было по-утреннему тихо и только откуда-то сверху, из окон, доносилась эстрадная музыка.

Глава 3

Юля открыла дверь подъезда и вошла внутрь. Шаги гулко отдавались где-то в вышине. Бурые пятна на лестнице появились ближе к третьему этажу. Юля замерла перед дверью квартиры Садовниковых. Сердце ее учащенно билось. Кровавые следы вели именно сюда или отсюда. Слабая надежда на собственную чрезмерную впечатлительность таяла с каждой минутой. Может, это и не кровь?

Юля машинально надела тонкие кожаные перчатки, которые всегда носила с собой, взялась за ручку двери, и та поддалась, раскрылась, словно приглашая ее войти в квартиру. И она вошла, прикрыв дверь за собой. Еле заметные следы привели ее сначала в кухню. Почему-то за все то время, что она находилась в квартире, ее ни разу не посетила мысль о том, что она вошла в чужой дом и что ее в любую минуту могут увидеть и спросить, что она здесь делает. В кухне на столе стоял поднос с остатками еды, судя по всему, еще с ужина: почти пустая бутылка из-под пива, холодная и осалившаяся отбивная с подсохшим картофелем, половинка вареного яйца, утонувшая в покрывшемся желтоватой корочкой майонезе.

Юля шаг за шагом осматривала квартиру. Заглядывала в комнаты, расположенные по обе стороны длинного коридора, – в них никого не было. Чистые уютные комнаты с красивой мебелью. В гостиной на низком красного дерева столе стояла огромная черная пепельница, наполненная окурками. Судя по запаху, вечером здесь много курили.

Дверь в спальню, примыкавшую к гостиной, была закрыта, и Юле понадобилось усилие, чтобы заставить себя открыть ее.

Картина, которая предстала перед нею, едва она оказалась в спальне, потрясла Юлю. Глядя на лежащих на огромной кровати обнаженных мужчину и женщину с залитыми кровью лицами, она вдруг вспомнила, как, потягиваясь в машине и попивая кофе, думала о том, что Садовниковы спят в своей уютной постели. Постель была и впрямь уютная, да только спали на ней, похоже, вечным сном. Подушки, простыни и шелковое покрывало, сбитое в ком и застывшее между телами супругов, – все было в крови. Убитые были обращены лицами друг к другу. Пистолет в правой руке Сергея был направлен в его висок.

Двойное самоубийство. «Майерлинг», – пронеслось в голове Юли. – Как в кино. Они убили друг друга».

Как тогда, на суде, она попыталась абстрагироваться от окружающего, словно она и не находилась в этой спальне рядом с погибшими, а смотрела учебный фильм по криминалистике. Приблизившись еще на несколько шагов, Юля определила, что Лора была убита выстрелом в упор, поскольку на ее виске остался явный отпечаток дульного среза. Юля была примерной студенткой юридического института, а потому некоторые вещи усвоила довольно-таки неплохо. Кроме входного отверстия, она обнаружила и выходное. Неудивительно, что вокруг было так много крови. Что касается самого Садовникова, то он тоже убил себя выстрелом в висок.

Юля сделала несколько снимков.

«Только пообещайте, что не примете меня за сумасшедшую...»

Что же могло заставить этих людей или одного из них решиться на такое?

Она не верила своим глазам. Два молодых красивых человека добровольно ушли из жизни? А что, если все это делалось не по обоюдному согласию? И почему она решила, что это Сергей сначала убил свою жену, а потом себя? Ведь могло быть и наоборот: Лора убила мужа, а потом покончила с собой.

Но было и еще великое множество версий: девушка в розовом сарафане убила обоих; неизвестный убил Садовниковых и скрылся, а девушка в розовом сарафане, оказавшись в этой квартире случайно, потом вышла и принялась вытирать кровь с ног о траву газона. Садовниковых могли убить по разным причинам. Во-первых – деньги, во-вторых – ревность и прочие

душещипательные чувства, в-третьих – хотели убить кого-нибудь одного из супругов, но, чтобы не оставлять свидетеля, убили обоих, в-четвертых, Садовниковы могли знать что-то важное, в-пятых, мог приехать НАСТОЯЩИЙ муж мнимой Лоры и убить ее, а заодно и лежащего с Лорой в постели мужчину, в-шестых, убийца, если он был, каким-то образом вошел в квартиру: открыл ли он двери своими ключами, либо ему открыли? Но не могли же хозяева открыть ему дверь, находясь в раздетом виде? Разумеется, нет. А что, если в момент убийства в квартире находилось еще и четвертое лицо: Лора, Сергей, убийца и человек, который открыл дверь этому убийце?

Садовников подозревал свою жену в измене. Его жена днем раньше обратилась в частное агентство, чтобы ей помогли вернуться в прежнюю, настоящую жизнь.

Юля стояла, смотрела на кровать и с точностью могла сказать только одно: перед ней действительно лежали трупы Лоры Садовниковой, то есть той самой женщины, которая приходила к ней вчера утром в агентство, и самого Сергея Садовникова – человека, обратившегося вчера же утром к Крымову с просьбой проследить за женой и выяснить, какое отношение к ее личной жизни имеют обрывки авиабилетов, и даже заснять что-то, имеющее отношение ко всему этому, на видеокамеру. Пять тысяч долларов. Как сказал бы сейчас Крымов: не история, а блеск!

Юля медленно сантиметр за сантиметром осматривала квартиру, фотографируя на ходу. Понимая, что очень скоро здесь появится толпа следователей и экспертов, она, отыскав в кухонном шкафу новый полиэтиленовый пакет, сложила туда нижнее белье Лоры и Сергея, сумочку Лоры, найденную на туалетном столике в спальне, несколько папок с документами, принадлежащими Сергею, она взяла их из ящика письменного стола, и забрала все флаконы с духами. Духи – это визитная карточка женщины, возможно, с их помощью ей удастся определить, была ли Лора действительно Лорой или же та история, которую ей рассказала странная женщина вчера утром, не плод большого воображения, а реальность, которая подчас может быть похлеще любой самой изощренной фантазии.

Подумав немного, Юля решила срезать прядь волос с головы убитой. «А что, если она действительно не Лора...»

В кабинете Садовникова Юля обнаружила сейф. Внешне он казался запертым, но стоило ей взяться за дверцу, как та отворилась, и Юля увидела три совершенно пустые полки. Она сделала еще один снимок.

Она искала и кое-что еще, а именно – ту самую лужу, в которую вляпалась девица в розовом сарафане, после чего ей пришлось вытирать о траву ноги. И нашла. Совершенно случайно. На кухне. Большое плоское блюдо, на котором лежал большой кусок размороженного мяса, было переполнено кровью, стекавшей по столу таким образом, что заметить образовавшуюся на полу под столом лужу было почти невозможно. Непонятно было только, каким образом девица наступила в эту лужу, ведь для этого ей понадобилось бы по меньшей мере забраться под стол. Может, она там пряталась? В принципе и этого исключать пока не стоит. Стол покрыт тонкой полиэтиленовой, под кружево, скатертью, причем довольно длинной, во всяком случае, позволяющей спрятаться под столом взрослому человеку таким образом, что его совершенно не будет видно. Значит, кровь на газонной траве явно не человеческая. А коккер-спаниель никакого отношения к девушке не имеет.

Несколько снимков на кухне...

Затем Юля вернулась в спальню, чтобы еще раз взглянуть на трупы. Внутренний озноб и прочие неприятные ощущения, которые охватили ее в первые мгновения присутствия в спальне, исчезли, уступив место любопытству. А может, это и была та самая страсть, о которой говорил ей Крымов? Страсть охотничьей собаки, рвущейся поскорее начать настоящую охоту?

Она вышла из квартиры и, отыскав на торце дома таксофон, позвонила Щукиной.

– Надя, ты знаешь адрес Садовниковых?

– Что за вопрос, – услышала она спокойный голос Нади, – ты хочешь, чтобы я подъехала к тебе?

– Нет, просто скажи Крымову, что они убиты. Пусть Женя решит, звонить сразу в милицию или перед этим он сам осмотрит трупы.

Образовалась пауза: внешне спокойная Щукина, судя по всему, «переваривала» новость.

– Какой красивый мужик был, – наконец вздохнула она. – Хорошо, я передам. Ты сейчас куда?

– К тебе.

Она вернулась в машину и поехала на Абрамовскую, в агентство.

* * *

– Мне непонятно только одно, – говорила Юля, сидя в кресле в приемной Щукиной и уплетая еще теплые, залитые шоколадной глазурью круассаны. Ела и удивлялась, как после всего, что она увидела, может вообще смотреть на пищу, не говоря уже о том, чтобы ее есть. – Налей мне еще, пожалуйста, кофе.

– Так что тебе непонятно? – Рыженькая и проворная Щукина в своем красном трикотажном платье выглядела очень даже недурственно. Она поставила перед Юлей большую чашку с горячим кофе и приготовилась слушать. Разговаривать с ней – одно удовольствие, поскольку Надя понимала все с ходу, легко ухватывала суть и могла развивать показавшуюся ей любопытной мысль в разных направлениях, не боясь показаться чудачкой. – Непонятно то, что Садовниковы, перед тем как пристрелить друг друга, достали с вечера мясо размораживаться.

– Правильно. Именно это я и имела в виду. Ты бы видела это мясо – огромный роскошный кусок. Возможно, Лора намеревалась приготовить мужу жаркое.

– Как ты думаешь, почему у них не было детей?

– Пока не знаю. Я вообще ничего не знаю. Но где же Крымов?

– Понятия не имею. Вроде бы на дворе осень, а у него все те же весенние проблемы.

– У него новая пассия?

– Кажется, да. Я видела их вместе позавчера. Очень красивая девушка. Ты уж извини, что я говорю это именно тебе.

– Говори, чего уж там. У меня почти переболело. Я понимаю, что ты удивлена тем, что я после разрыва с Крымовым осталась здесь. Мне бы не хотелось, чтобы ты думала, что я все еще надеюсь вернуть его себе, ничего подобного. Понимаешь, мне надо научиться преодолевать себя, свои страсти, эмоции... Надо научиться быть более хладнокровной и самодостаточной, что ли.

– Можешь мне не объяснять. Если хочешь знать, то и у меня с Женькой тоже был роман, но в отличие от вашего НАШ продлился около месяца. Он же великий циник. Ты знаешь, что он сказал мне как-то, когда мы лежали с ним в постели? Что у него еще ни разу не было таких «ярких рыжух». Каково? Что ему нравится мой голос, что я нестандартна, некрасива, но сексуальна. Иногда мне кажется, что он словами пытается возбудить себя.

– Ты ненавидишь его? Как вы расстались? Что произошло? Ты увидела, как он целуется с другой девушкой?

– Да, но только этой девушкой была... ты.

– Какой ужас! Послушай, его надо наказать.

– Да брось ты. Пусть живет. В конечном счете он подарил мне месяц райской жизни, я наконец-то почувствовала себя настоящей женщиной. Теперь, во всяком случае, я точно знаю, какой мне нужен мужчина.

– Неужели такой, как Крымов?

– Что касается постели, то да. И не удивляйся. Ты и сама, я думаю, даже за три дня успела ПОЧУВСТВОВАТЬ его.

Юля покраснела. Она и не заметила, как Щукина ловко перевела разговор с окровавленных трупов на жизнелюбивого и любвеобильного Крымова.

– Ты набрала кучу вещей из их квартиры?

– Правильно. Ты просто видишь меня насквозь. Я сейчас все рассортирую по разным пакетам. Кстати, они у тебя еще остались?

– Конечно.

– А я тем временем подготовлю тебе вопросы для экспертов, хорошо? Что там с авиабилетами?

– Жду результатов. Мне позвонят.

– Тогда я пошла писать.

– Подожди. – Надя достала сигарету и закурила. – Знаешь, что мне кажется?..

– Что?

– Что тебе не стоит так торопиться.

– Что ты имеешь в виду?

– А то, что Садовниковых больше нет. Крымов получил пять тысяч баксов. А кто с него теперь что спросит? Ведь никто!

– Ты хочешь сказать, что мы теперь вообще можем не заниматься этим делом?

– Так ведь дело-то сложное, посуди сама – целых два убийства. Вдобавок еще эта история с мнимой Лорой. Представь, сколько предстоит работы. Думаю, что даже если после похорон и объявятся какие-то родственники Садовниковых, они обратятся в первую очередь в милицию. Так что советую тебе дожждаться Крымова и поговорить с ним. Пять тысяч в конечном счете не так уж и много. А мне вчера пришли счета за телефон. Ты бы видела эту сумму!

– Надя, неужели ты думаешь, что Крымов палец о палец не ударит, чтобы найти убийц Садовниковых?

– А зачем ему это нужно?

– Ты позвонила в милицию?

– Да нет же! Тоже сижу и жду Крымова.

– Но там ведь дверь открыта, в любую минуту может войти кто угодно.

– Ты видела там что-нибудь интересное: золото, деньги, драгоценности?

– Я открывала секретер, ящики письменного стола, туалетный столик – похоже, что они все хранили в сейфе, а он, как я тебе уже говорила, вскрыт и опустошен.

– Так, может, это простое ограбление?

– Может, и так.

Девушки услышали, как хлопнула входная дверь. Это пришел Крымов.

– Салют! – поприветствовал он их, врываясь в приемную и почти выхватывая из рук Щукиной сигарету. – Вот черт, проспал! Просил разбудить, между прочим, но разве можно вам, женщинам, доверять что-нибудь серьезное.

Надя с Юлей демонстративно посмотрели в окно, словно произнесенные их шефом слова не имели к ним никакого отношения.

– Крымов, тебе надо было организовать не детективное агентство, а подпольный публичный дом, – не выдержала Юля и резко повернулась к нему. – Может, я натура и впечатлительная, и слабая в каком-то смысле...

– Интересно, в каком это ТАКОМ?

– Не придирайся к словам. Садовниковых убили. Сегодня ночью. Я наблюдала за их домом два с половиной часа, пока не заметила, как какая-то девица в розовом сарафане вытирает о траву ноги, прямо на газоне возле дома. Мне показалось это странным, и я пошла к

ним. Понимаешь, внешне все выглядит так, словно эта парочка решила покончить с жизнью. Вместе.

Крымов слушал ее молча. Он побледнел.

– Ты сделала снимки?

– Разумеется.

– Взяла что-нибудь такое, что могло бы нам потом понадобиться?

– Взяла белье, сумочку и кое-что еще. Не могла же я забрать все, нужно же было что-то оставить и для твоих дружков из прокуратуры.

– Ты будешь заниматься этим делом? – прямо в лоб спросила Крымова невозмутимая Щукина.

– А как же! Могут объявиться их родственники.

– Но ты же не можешь быть уверенным в том, что они обратятся именно к нам?

– Правильно. Но я и сам могу предложить свою помощь.

– Отдай это дело мне, – неожиданно сказала Юля. – Жень, ты знаешь, как мне сейчас это необходимо. Тем более что это я первая попала в их квартиру и обнаружила трупы. Если хочешь, можешь мне не платить, я сама поработаю и, возможно, найду убийц. Я не верю в самоубийство. Они были слишком молоды и красивы, чтобы вот так глупо расстаться с жизнью. У меня даже есть план.

– Ты серьезно? – Крымов внимательно рассматривал стоящую перед ним красную от смущения Юлю. – А тебе не страшно?

– Представь, мне это даже интересно.

– Валяй. А что будем делать с Ритой Басс? Я надеялся, что ты поучаствуешь и в этом деле.

– Я готова. Ты можешь мне давать поручения, думаю, что я успею и то и другое. Только мне нужны деньги на бензин и помощь Нади.

– Надя, ты видела это дитя? Она хочет работать. Похоже, наша Юлечка окончательно пришла в себя. И кто же это на нас так повлиял?

– Никто. Ты.

– А может, этот твой поклонник?

– Может быть. Но это уже тебя не касается. Я же не спрашиваю, с кем ты сегодня провел ночь.

– Вот и напрасно. Я бы тебе все рассказал как есть.

– Уволь меня от своих рассказов.

– Ну хорошо, тогда шутки в сторону. Давай мне материал по Рите Басс, кстати, сколько они обещали заплатить?

– Сегодня Марта принесет мне тысячу долларов аванса. Но ты не жди денег, начинай работать. Я знаю этих людей, они слов на ветер не бросают.

– Думаю, что и денег.

– Конечно. Если ты не будешь возражать, я представляю тебе план и по Рите. Я набросала его сразу же после нашего телефонного разговора. Все-таки я немного знакома с их семьей и могу предположить, куда эта девочка могла направиться.

– Валяй.

Юля достала из сумки сложенный вчетверо лист и протянула его Крымову:

– Вот здесь все сведения об их семье и о Рите. Думаю, что искать надо начинать со школы. Одноклассники всегда все знают. Кроме того, есть некая Альбина Георгиевна – учительница английского, у которой Рита брала частные уроки. Мальчик, с которым она сбежала, тоже мог изучать английский.

* * *

Оказавшись в своем кабинете, совсем крохотном, но хорошо освещенном, Юлия села за стол, положила лист бумаги, взяла ручку и принялась составлять вопросы экспертам.

1. Каково происхождение пятен на нижнем белье? Являются ли они пятнами семенной жидкости?

2. К какой группе относится семенная жидкость?

3. Нет ли в пятнах примесей вагинального происхождения? Группа?

4. Имеются ли на исследуемом предмете пятна слюны, пота и иных выделений и к какой группе они относятся?

5. Какова половая принадлежность эпителиальных клеток, обнаруженных в пятнах слюны?

6. Имеются ли пятна духов, если да, то каких?

7. Какого цвета данные волосы и не подвергались ли они искусственной окраске или обесцвечиванию?

8. Какова групповая принадлежность волос?

9. Кому принадлежат отпечатки пальцев с тюбика губной помады, расчески и прочих предметов, находящихся в сумке потерпевшей и на флаконах с духами?

Затем Юлия достала блокнот и, положив его рядом с копией записей Сергея Садовникова, которую ей сделал Крымов, принялась составлять план уже непосредственно СВОЕЙ работы. Итак: 1. Опросить соседей о подозрительных ночных звуках с 27 на 28 сентября. 2. Опросить подруг Лоры Садовниковой: Анну Дианову, Светлану Гусарову, Соню Канабееву и Елену Мазанову. 3. Встретиться с лечащими врачами Лоры и Сергея. 4. Найти их родственников. 5. Обозначить круг знакомств Сергея С. – управляющие, служащие, друзья, приятели, возможные любовные связи.

– Работаем? – заглянул к ней сияющий Крымов.

Юлия растерянно посмотрела на него: он сбил ход ее мыслей.

– Крымов, какой же ты все-таки легкомысленный тип. Вложил уйму денег в это дурацкое агентство, а сам только и делаешь, что мотаешься по бабам. – Она и сама не знала, зачем это сказала. Очевидно, смерть Садовниковых настолько потрясла ее, что ей казалось неестественным на месте Крымова вообще улыбаться.

– Э-эй, полегче на поворотах. Будешь много выступать – уволю.

– Мне нужен Шубин. Когда он вернется? Зачем ты его отправил в Балтийск?

– Он сделает там несколько снимков, мы предъявим их одному человеку, и дело будет закрыто. Вообще, если честно, я уже успел сто раз пожалеть о том, что поручил тебе Садовниковых.

– Хватит врать. Ты и не собирался ими заниматься. Денежки-то получены, зачем теперь напрягаться?

– Собираюсь пойти на похороны, вдруг обломится какой-нибудь богатый родственничек, который всеми правдами и неправдами пожелает найти убийцу.

– А ты не хочешь съездить на место посмотреть?

– Пожалуй, хочу. Я, кстати, только что позвонил в угро Сазонову, все объяснил.

– Ты сказал, что я была там?

– А что мне было делать?

– Теперь они с меня живой не слезут.

– Как это эротично звучит. Повтори еще разок.

– Да пошел ты к черту, не мешай работать! Ты собираешься заниматься Ритой?

– А я уже ею занялся. Позвонил в школу, поговорил с директрисой и сказал, что приеду через час, чтобы встретиться с классным руководителем Риты.

– Меня это радует, – и Юля отвернулась, делая вид, что сосредоточенно думает.

– Деньги на бензин и прочие расходы возьмишь у Щукиной, – услышала она голос Крымова, доносящийся уже из коридора.

Ей вдруг захотелось увидеть Шубина. Он был полной противоположностью Крымова: серьезный, деловой и работающий. Крымов его так и называл: раб. Шубин, несмотря на свои тридцать, был почти лысым, но это его совершенно не портило. Невысокий, среднего роста, крепкий, он всем своим видом внушал доверие. Говорил он немного, но к его словам хотелось прислушаться. Взгляд тяжелый и пронзительный. Он был очень терпелив, аскетичен и постоянен в своих взглядах. О его добросовестности знал весь уголовный розыск города. Шубин уволился оттуда, когда узнал, что его жена встречается с его шефом. И хотя этот роман длился всего неделю, а Наталия хотела вернуться к Шубину, он ее так и не принял. Не смог, хотя и любил. В присутствии Шубина Крымов вел себя совершенно иначе, чем в обществе Юли и Щукиной. С Шубиным Крымов говорил лишь по делу и, нагружая его работой, знал, что видит перед собой настоящего профессионала, способного не спать несколько суток ради того, чтобы добиться результата. Но если Шубину вся информация доставалась с трудом и на дело он тратил уйму сил и времени, то Крымову с его интуицией все давалось намного легче. И когда Юля упрекала Крымова в легкомыслии и всячески цеплялась к нему из чисто женской мстительности, даже она понимала, что за внешней ветреностью и несерьезностью Крымова скрывается гениальный сыщик. И, зная это, она была несколько удивлена, что он отдал ей дело Садовниковых с видимой легкостью. Что скрывалось за этим? Его искреннее желание помочь ей обрести веру в себя? Или все это блеф, и он отдал ей дело только на словах, предполагая действовать самостоятельно у нее за спиной и всячески подстраховывая ее? В принципе Юлю устроил бы любой вариант. И второй даже больше, поскольку она вполне реально оценивала свои силы и возможности. Но, с другой стороны, у нее голова кружилась при мысли, что она САМА будет распутывать такое сложное дело.

* * *

Анна Дианова жила неподалеку от драмтеатра в новой девятиэтажке и занимала с мужем большую пятикомнатную квартиру. Юля, предварительно договорившись с нею о встрече, даже представить себе не могла, насколько красива может быть сорокалетняя женщина. Хороший рост, идеальная фигура, длинные светлые волосы и зеленое до пят домашнее платье с глубоким вырезом, почти не скрывающим роскошную грудь, – такой впервые предстала перед ней подруга Лоры Садовниковой.

– Вы хотите вступить в наш клуб, раз вас прислала Лора? – спросила мягким, приятным голосом Анна, приглашая гостью войти и показывая рукой на кресло. Они расположились в просторной гостиной, в которой практически отсутствовала мебель. Основной целью ее дизайна было создать видимость огромного белого зала, заставленного кадками с тропическими растениями и обитыми белым велюром креслами. Пушистый розовый ковер дополнял это великолепие.

– Меня зовут Юля Земцова, я частный детектив, – проговорила Юля тихим голосом, стараясь настроить Анну на серьезный лад. – Речь пойдет как раз о Лоре. Вы извините меня, что я по телефону сказала вам неправду относительно моего желания вступить в ваш женский клуб. – Юля протянула Диановой удостоверение.

– О Лоре? – Юля почувствовала, как напряглась Анна – брови ее нахмурились, огромные зеленые глаза потемнели. – Что с ней случилось? – спросила Дианова высоким голосом и вернула Юле документ.

– Она погибла.

– Погибла? Как?

– Внешне все выглядит, как двойное самоубийство. И она, и ее муж были сегодня утром найдены в своей постели убитыми.

– Нет, этого не может быть. Чтобы Лора покончила с собой? Это полный бред. – От прежней умиротворенности не осталось и следа. Перед Юлей теперь сидела совершенно другая женщина – живая, раскрасневшаяся, взволнованная до предела. – Я не могу в это поверить! Я только вчера разговаривала с ней по телефону. Это убийство! Это все Сергей, его дела! Рэкет или что там еще, не знаю. Боже, в какое время мы живем. Лорочка, бедная.

– Скажите, Анна, она ничего не рассказывала вам о делах своего мужа? Вот вы сейчас упомянули о рэкете.

– Да бросьте вы! – в сердцах воскликнула Дианова и махнула рукой. – Вы что, в самом деле, газет не читаете? Садовников же был бизнесменом, а там, где деньги, там всегда риск. Кому-нибудь недодал, проценты не перечислил, не то сказал, не так посмотрел, у нас же страна обезумевших идиотов! Я вообще не понимаю, как Сергей дожил до своих сорока. Ведь он – глубоко порядочный человек, вы себе представить не можете, сколько раз его обманывали, подставляли и тому подобное. В бизнесе должны быть монстры, а Сергей был душкой, нежным и доверчивым. Другое дело, что ему просто везло. Знаете, бывает так, что людям просто везет. Что называется, он всегда вовремя оказывался в нужном месте. Это его, на мой взгляд, и спасало.

– А с чего он начинал?

– Да как все. Продал родительскую квартиру и на эти деньги открыл свое первое кафе. Но потом, когда понял, что на бутербродах и соках далеко не уедешь, превратил кафе в маленький, ну совсем крохотный ресторанчик на набережной. А там спиртное, куры-гриль, грибная лапша. Кроме того, Сергей верно рассчитал место, а от этого, сами знаете, многое зависит. Боже, о чем я? Неужели их больше нет? Послушайте, что я хочу вам сказать. Никакое это не самоубийство. Я, знаете, тоже читаю детективы, смотрю триллеры и прочее. Все можно подстроить. Но это не самоубийство... Лора любила жизнь и знала, чего хотела от нее...

– И чего же она хотела?

– Главным для нее была семья: она и Сергей. Она помогала ему во всем. А первое время так и вовсе работала в его ресторане официанткой. Тогда каждый рубль был на счету, и вот, чтобы не тратиться на официантов и посудомоек, Лора работала сама... И только спустя три месяца Сергей настоял на том, чтобы она вернулась домой и вела бухгалтерию... А потом, когда дело пошло, он нанял Стаса...

– Стас? Это кто?

– Стас Арсиньевич, его зам. Но сначала Стас был просто бухгалтером. Башковитый и надежный парень. Я знаю, о чем вы только что подумали...

– Да? И о чем же? – удивилась Юля.

– О том, что это Стас мог убить их, чтобы прибрать все к своим рукам. Обычно в жизни так и бывает: преступление совершает тот, на кого меньше всего думаешь. Но Стас не способен на такое.

«Если у него есть руки и ноги, то он вполне способен убить и уйти...» Юля очнулась от своих мыслей. Абстрагироваться пока еще было рано. Перед ней сидела совершенно конкретная женщина, подруга убитой Лоры, и ее надо было расспрашивать до посинения. Потому что потом появятся следователи из прокуратуры, и самые свежие мысли, догадки, версии будут размазаны по страницам дела.

– Вы извините, но я что-то не понимаю: почему расследование поручили вам? Частному сыщику, а не милиции?

– Я думаю, что милиция появится у вас с минуты на минуту, – честно призналась Юля. – И мне бы очень хотелось опередить их.

– Но ведь такие конторы, как ваша, не работают за здорово живешь.

– Правильно. Вы хотите узнать, КТО нас нанял? Что ж, я скажу. Но вы будете удивлены. В принципе я пришла к вам не столько для того, чтобы сообщить о смерти вашей подруги, сколько выяснить некоторые очень важные, на мой взгляд, обстоятельства... Дело в том, что вчера утром в наше агентство пришел Сергей Садовников и поручил нам проследить за своей женой, которую он якобы подозревает в измене...

– Что-о?! Подозревать Лору? Он что, сошел с ума? Это невероятно...

– Вы сказали, что у них были нормальные отношения.

– Не то слово! У них были просто идеальные отношения, каких уже, наверно, и не встретишь.

– Но он был вчера у нас, и это факт.

– Теперь я понимаю, почему вы сказали, что я буду удивлена. Что ж, вы правы: я действительно удивлена тем, что вас нанял сам... Сергей.

Юля поняла, что настало время самого главного. Мысль о том, что она должна действовать как профессионал, подстегнула ее, и она проговорила как можно тверже:

– Он нанял нас и заплатил определенную сумму. Вот я и подумала, что раз мы не смогли выполнить его поручение, то его близкие и родственники, которым небезразлична их смерть, могли бы поручить нам раскрыть убийство. Вполне вероятно, что его подозрения об измене Лоры могут быть как-то связаны с их смертью.

Вот теперь она подписала свой СОБСТВЕННЫЙ контракт. И если даже Крымов откажется работать с этим делом, возможно, что с помощью Анны на их агентство выйдут родственники Садовниковых и попросят найти убийцу Лоры и Сергея. И уж после того, как эти люди заплатят агентству и заключат контракт, Крымов просто не посмеет отстранить Юлю от расследования, как бы нетрадиционно оно ни велось. Ведь надо же когда-то начинать.

– Я уверена, что такие люди найдутся. Взять хотя бы самого Арсиньевича. Стас, как только узнает о смерти шефа, наверняка начнет действовать. Я думаю, тот факт, что расследование будет вести прокуратура, не повлияет на ваше решение заниматься этим делом?

– Разумеется, нет. – Юля отметила, что Анна отлично разбирается в сути происходящего, а потому можно было, не откладывая дела в долгий ящик, приступить к новым вопросам. – Скажите, Анна, вы согласны помочь следствию?

– А что я должна делать? – ее лицо на миг приобрело растерянное выражение, а уж вопрос получился и вовсе детским.

– Ничего особенного, просто подробно рассказать мне все, что вы знаете о Лоре. И о ее поездках.

– Поездках? Каких еще поездках? – вот теперь Анна явно фальшивила.

– Лора была вашей близкой подругой или вы были с ней просто в приятельских отношениях?

– Понимаете, мы с ней были как сестры. И, понятное дело, она доверяла мне некоторые свои тайны. Но поверьте, ни о чем ТАКОМ она мне не рассказывала. Она не изменяла мужу, это я знаю точно.

– Но разве это вообще кто-нибудь может знать ТОЧНО?

– Что касается Лоры, то да, безусловно. Она обожала своего Сережу.

– Но согласитесь, что в каждой семье возникают какие-то проблемы, а раз вы были посвящены в жизнь Лоры, то наверняка можете что-то рассказать.

– Да, проблемы были. Причем даже не проблемы, а ПРОБЛЕМА. Вы, наверно, будете удивлены, когда я скажу, что речь идет о наличных деньгах. Дело в том, что в течение десяти лет – а именно столько длился их брак – Лора откровенно мучилась отсутствием наличных денег. Мужчины этого не понять. У них если и есть какие-либо запросы, то они удовлетворяют их, не спрашивая на то разрешения своей жены, тем более когда она считается домохозяйкой. Ведь они рассуждают так: раз женщина сидит дома и не работает, значит, вся ее жизнь должна быть

сосредоточена на семье, быте, кухне, наконец. И если взглянуть на жизнь Лоры со стороны, то покажется, что у нее была не жизнь, а просто рай! Продукты им домой привозил с рынка Василий, водитель Сергея. В доме было все, что нужно. Лора была одета как кукла.

– Кажется, я поняла, в чем дело. У нее было все, кроме наличных денег. Я читала о чем-то подобном. То есть ей все, абсолютно все, вплоть до мелочей, покупал муж, так?

– Совершенно верно. Он покупал дорогие вещи, бриллианты, шубы, но все это на свой вкус. А Лора была таким человеком, который, получая подарок, ни за что не скажет, что он не нравится. В принципе у Сергея есть вкус (Юля заметила, что Анна стала говорить о Сергее уже в настоящем времени, она увлеклась и вела беседу таким образом, как вела ее, наверное, на встречах женского клуба – страстно, увлеченно), но никакие подарки, будь они даже самыми дорогими и престижными, не смогут заменить женщине поход по магазинам. Понимаете, это часть нашей жизни.

– Я абсолютно согласна с вами. И вы хотите сказать, что Лора страдала лишь из-за этого?

Анна вдруг замолчала и тяжело вздохнула, словно человек, который осознал, что он растрачивал красноречие перед глухой стеной. Юля тоже решила выдержать паузу.

– Вот и вы тоже ничего не поняли, – наконец проговорила Дианова. – Иметь богатого мужа, но не иметь СВОБОДЫ. Лора была несвободна. Она не могла, к примеру, отлучиться из дома ПРОСТО ТАК. Сергей говорил ей, что все в жизни должно быть ФУНКЦИОНАЛЬНО, то есть оправдано какими-то причинами. Зачем «шататься (это тоже с его слов) по подругам, когда можно повязать, повышивать, почитать книжку, наконец». Да-да, именно так он и говорил. И тогда Лора решила пойти работать. У нее хорошее образование – она филолог, и ее пригласили в лицей. Который, кстати, находился в двух шагах от дома. И когда она сказала о своем решении мужу, он воспринял это как личное оскорбление. Он запретил ей работать под страхом развода.

– И она осталась дома?

– Ну конечно, – пожала плечами Анна.

– Скажите, а почему у них не было детей?

– Сергей не хотел, заявил, что еще рано, а ведь ей было уже тридцать шесть. Думаю, что он говорил так из-за своего бесплодия.

– А почему не из-за ЕЕ бесплодия?

– Потому что она проверялась в клинике у моей подруги. Лора была совершенно здорова.

– А в психическом плане?

– Не поняла.

– Ну что же здесь непонятного? Она не страдала психическим заболеванием? Вы должны мне ответить искренне, потому что от вашего ответа многое может измениться, для меня во всяком случае.

– У Лоры была совершенно нормальная психика.

– И никаких навязчивых идей, ничего такого?

– Вы задаете мне очень странные вопросы.

– Возможно.

Юля смотрела на Анну и не знала, рассказать ей о своем разговоре с Лорой или нет. Но, с другой стороны, она сейчас так разговорилась, что другого подобного случая, вполне возможно, не будет.

– Тогда мне придется рассказать вам кое-что еще. – И Юля подробно передала Анне весь вчерашний разговор с Лорой.

Анна слушала, широко раскрыв глаза, словно ей только что объяснили, что она – это не она, а совершенно другая женщина.

Когда Юля замолчала, Анна повела себя очень странно.

– Извините, но у меня сегодня масса дел... – И, резко поднявшись, дала понять, что разговаривать больше не намерена.

Юля была вынуждена тоже подняться. Кажется, она совершила какую-то ошибку.

– Мы с вами говорили о разных женщинах. Я сожалею, что рассказала вам так много, – проронила Анна на прощание. – Либо у вас самой не все дома.

Она буквально выставила Юлю за дверь.

– Боже, как же много у нас больных, – услышала Юля ее голос, доносящийся уже из глубины квартиры.

Глава 4

Ехать после такого к Гусаровой у Юли просто не было сил. Дианова буквально выбила ее из колеи. Она приняла ее за сумасшедшую.

Отъехав на приличное расстояние от драмтеатра, рядом с которым жила Анна, Юля вышла из машины и позвонила Щукиной:

– Надя, ты отвезла на экспертизу белье и сумку?

– Конечно, вместе с твоими вопросами. Между прочим, Норе, ты помнишь ее?

– Нора? Которая была в декретном отпуске, твоя подруга?

– Да-да. Так вот, она уже вышла на работу. И когда я поехала в лабораторию, то встрети-лась с ней. Представь, она только что вернулась из квартиры Садовниковых. Ты бы видела ее. Они работали там с Масленниковой, снимали отпечатки пальцев, фотографировали. И когда она уходила оттуда, к ее подошве что-то прилипло. Она обнаружила это уже в машине. Пони-маешь, там на кухне какая-то лужа крови, кажется, натекла от мяса. Нора брала образец в кол-бочку и наступила на эту кровь.

– Надя, нельзя покороче?

– Можно. К ее подошве прилипла какая-то бумажка. Понимаешь, вполне возможно, что она не из квартиры Садовниковых, а просто Нора подцепила ее где-нибудь в подъезде или даже на улице.

– Эта бумажка у тебя? Там телефон?

– Ты что, читаешь мысли? Но там не только телефон.

– Может быть. Ты можешь ничего не говорить Крымову об этом?

– Конечно, тем более что его уже давно и след простыл.

– Он в школе у Риты?

– Он звонил мне оттуда, просил, если ты позвонишь или объявишься, позвонить ему по сотовому.

– Хорошо, я позвоню. А ты береги записку, хорошо?

– Скоро вечер, ты сюда-то заглянешь?

– Конечно, сейчас позвоню Крымову, заеду к Гусаровой и – к тебе. – Про Гусарову Юля сказала нарочно, чтобы, несмотря на неуверенность в себе, тем не менее встретиться с нею и поговорить о Лоре.

– Отлично, я вижу, что дело идет.

– Ты только не уходи.

– Хорошо, мне все равно некуда идти. А так буду ждать твоего возвращения. Ты же мне все расскажешь?

Когда Юля вернулась в машину, настроение ее заметно повысилось. Теплое чувство к Наде переполняло ее. Как здорово, что, кроме ироничного и циничного Крымова, существует такое милое и умное существо, как Щукина.

Про сотовый телефон Юля забывала всегда. Это было просто какое-то наваждение. Но раз ей уж напомнили, значит, надо звонить. Она достала аппарат из кармана джинсовой куртки и позвонила Крымову.

– Это ты, птичка? Почему такой усталый голосок?

– Крымов, какой же ты все-таки противный. Ничуть не усталый... Что там у тебя? Ты ведь просил позвонить.

– Я узнал фамилию парня, с которым встречалась Рита Басс. Володя Сотников.

– Ты видел его? Они учатся в одной школе?

– Видел, говорил. Но он как воды в рот набрал. Провожал, мол, Риту из школы домой, и все. Больше ничего не знает. Не видел ее два дня. Вот я и подумал, может, ты сама с ним поговоришь? У тебя это лучше получится.

– Давай его телефон и адрес.

Крымов продиктовал.

– С Ритой – все? Больше никаких новостей?

– Понимаешь, у нее такой возраст. Они напрасно переполошились. Но я на всякий случай решил поехать к ним на дачу.

– Ты думаешь, что они ее там не искали?

– Они сказали, что продали эту дачу в прошлом году. Но я связался с председателем их дачного кооператива, и он сообщил мне, что дачу хоть и купили, но там никто за весь год не появился, никто ничего не сажал, не строил. Рита могла поехать туда. Больше того, мне кажется, что раз у девчонки такой узкий круг знакомств, то и тот парень, с которым она могла уехать, запросто мог иметь отношение к даче.

– Ты хочешь сказать, что он может быть новым хозяином дачи?

– Во всяком случае, мне так кажется. Короче, я еду в Лесное, а ты мне позвони часов в десять, думаю, что к этому времени я буду дома. Но если эти Бассы нам не заплатят...

– Заплатят, я их знаю.

Он отключился, и Юля подумала о том, что Крымов даже не спросил о ее делах. Ни слова о Садовниковых.

Итак, Светлана Гусарова. Она жила на улице Яблочкова в двухэтажном старом доме, ставшем теперь, судя по табличке, памятником архитектуры. Если Дианова успела позвонить ей и предупредить о визите «сумасшедшей с документами частного детектива», то Гусарова, возможно, даже не пустит ее на порог. И правильно сделает. Ведь то, что Юля рассказала Анне про Лору, действительно не укладывается ни в какие разумные рамки. И уж если Лора удивила и даже шокировала своим рассказом Юлю, которая видела ее в первый раз, то что говорить об Анне, которая знала Лору много лет. Кому она будет больше верить: Лоре или незнакомой девушке из детективного агентства, если таковое вообще существует.

Юля позвонила и стала ждать. Она стояла на крыльце перед обитой черным дерматином дверью и почему-то чувствовала себя неудобно. Когда послышались шаги, она даже вздрогнула от волнения. Раздался скрежет отпираемого замка, после чего дверь отворилась и на пороге возникла худенькая женщина в оранжевом махровом халате. Волосы ее чайного цвета были растрепаны, губная помада размазана, а в руках она держала большой, наполовину очищенный апельсин.

– Салют, – бодро произнесла женщина и, весело мотнув головой, предложила Юле войти. – Ты кто?

– Меня зовут Юлия Земцова.

– Значит, будешь Джульеттой. Проходи, не бойся. Ведь тебя прислала Бланш? Тебе сказали, сколько я беру и что я занимаюсь только вечерами?

– Да, – пробормотала Юля, поднимаясь за женщиной по крутой деревянной лестнице наверх.

Через минуту они оказались в большой, залитой полуденным солнцем квадратной комнате с кабинетным роялем и узким диваном, на котором лежал бледный полуголый юноша.

– Не обращай внимания, просто ему надо поспать. Садись сразу за рояль и покажи, что ты умеешь.

– Вы Светлана Гусарова? – спросила Юля на всякий случай.

– Да. Хочешь апельсин? У меня их много.

Она была пьяна, а за ароматом апельсина Юля не сразу почувствовала запах вина, бутылка которого стояла на маленьком круглом столике возле дивана.

- У вас есть еще комната?
- Разумеется, у меня их несколько. А в чем, собственно, дело?
- А телефон есть?
- Есть, но я его отключила, чтобы мне не мешали. Какие-то странные вопросы вы мне задаете.
- У вас есть подруга Лора Садовникова?
- Конечно, есть. Вы пришли из-за женского клуба? Я вам скажу сразу – мне там скучновато. Они-то все замужние, а я – нет. Я даю частные уроки, преподаю в консерватории и музыкальном училище. У меня просто времени не хватает на все.
- Мы могли бы поговорить с вами где-нибудь, – Юля бросила многозначительный взгляд на спящего парня, – без свидетелей?
- Да вы не переживайте, он теперь не скоро очнется.
- Он наркоман? – догадалась Юля.
- Ну, в общем, да.
- И все же я хотела бы поговорить в другой комнате. Разговор довольно серьезный.
- Фу, – Гусарова состроила уморительную гримаску, – терпеть не могу серьезные разговоры. Да и чего серьезного может происходить в женских клубах? Вы, случайно, не лесби?
- Вашу подругу, Лору Садовникову, убили. Ее нашли сегодня мертвой рядом со своим мужем. Теперь понятно, зачем я к вам пришла?
- Гусарова словно протрезвела, мотнула головой и обхватила ладонями свои щеки.
- Вот это да. Извините. Вы что, из милиции?
- Юля протянула ей удостоверение.
- Моя фамилия Земцова, зовут Юлия. Я веду расследование. Вы не могли бы мне рассказать о Лоре? Видите ли, есть подозрение, что это двойное самоубийство, поскольку их нашли в постели, у Сергея в руках был пистолет. Как вы думаете, Лора была способна на самоубийство?
- Нет, нет и еще раз нет! Это исключено. Лора не такой человек, чтобы вот так уходить из жизни. У нее было слишком много планов. К тому же она обладала повышенным чувством ответственности.
- Скажите, как Лора жила со своим мужем? У них были проблемы?
- Были, как и в каждой семье. Но вам они могут показаться несерьезными. – Светлана запустила руку в волосы и мечтательно закатила глаза. – Хотела бы я иметь такие проблемы, какие были у Лорочки.
- Что вы имеете в виду?
- Она, бедняжка, страдала из-за того, что у нее никогда не было денег.
- Она что, так всем об этом и рассказывала? – Юля представила себе, как, собравшись все вместе, женщины ее круга начинают обсуждать свои проблемы и как по очереди рассказывают друг другу о них. Выходило не очень-то красиво.
- Боже упаси! Лора об этом никогда и словом не обмолвилась. Но представьте, я прихожу, к примеру, к ней, чтобы занять денег, а она, краснея, говорит, что у нее НЕТ денег. И это при том, что ее муж – один из самых богатых людей города! Она страшно смущалась. А мы, женщины, такие дуры. Ой, извините. Я к тому, что вот увидишь какую-нибудь вещь, и так захочется ее купить, что сразу же бежишь по подружкам просить займы.
- И она вам никогда не давала?
- Знаете, несколько раз она мне давала какие-то вещи на продажу, совершенно новые, которые ей купил муж.
- Зачем?
- Она могла мне помочь только таким образом. Сергей ведь никогда не помнил, что у нее из вещей есть, а чего нет. Я продавала, к примеру, дорогое платье, а деньги брала себе, в долг, разумеется, а потом отдавала ей по частям. Вы бы видели, как радовалась она этим

копейкам. Вот такие странные люди эти «новые русские». Вы знаете, я никак не могу привыкнуть к мысли, что Лоры нет. Это просто чудовищно. Она была необыкновенной женщиной, очень интеллигентной, ранимой, нежной. О ней можно говорить только все самое лучшее.

– Неужели у нее не было недостатков?

– Пожалуй, что нет. Разве что ее чрезмерная скромность.

– Скажите, у нее были любовники?

И снова холод. Гусарова, окончательно протрезвев, смирив Юлю ледяным взглядом, откинула волосы назад и произнесла изменившимся тоном:

– У Лоры НЕ было любовников. Никогда, слышите?

– Вот вы сейчас смотрите на меня зло. Знаете, я ведь задаю вам этот вопрос не случайно. – Юля из последних сил старалась не показать Гусаровой своей слабости. Ей было невыносимо стыдно, что она теряется перед этой, в общем-то, опустившейся несчастной женщиной и ничего не может с собой поделать. – Дело в том, что за день до смерти ее муж Сергей Садовников пришел в наше детективное агентство, чтобы нанять человека, который проследил бы за его женой. Вы должны понять меня. Я не была знакома с вашей подругой, но сделаю все, чтобы только найти ее убийцу. Если, конечно, они не застрелили себя сами.

– Вы рассказываете какие-то совершенно чудовищные вещи. Сергей НЕ мог нанять детектива для того, чтобы проследить за Лорой, он доверял ей. Она вообще... святая.

– Скажите, почему у них не было детей?

– Потому что Сергей был бесплодным.

– Вам об этом сказала Лора?

– Нет, она была не из болтливых. Мне рассказала об этом Дианова, наша общая знакомая, подруга которой обследовала Лору. Лора была совершенно здорова и могла забеременеть. Значит, дело было в ее муже.

– А она хотела иметь ребенка?

– Конечно.

– Это был ее первый брак?

– Разумеется. Она вышла замуж довольно поздно, в двадцать пять лет.

– А что вы знаете о ее прошлой жизни?

– Ничего особенного. Очень рано осталась без родителей, жила здесь в маленькой квартирке, преподавала в школе русский и литературу, пока не встретила с Садовниковым. Все очень просто и скромно. Думаю, что она досталась Садовникову девственницей.

Юля выдержала паузу, раздумывая, говорить ли теперь Светлане о том, что рассказала Лора в день своей смерти, явившись в агентство. Ей и самой было жутковато от этого рассказа.

– Послушайте, Светлана. Я бы хотела вам рассказать о СВОЕЙ встрече с Лорой.

– Так вы все-таки были знакомы с ней?

– Вы можете мне обещать, что отнесетесь к моему рассказу не так импульсивно, как это сделала ваша общая знакомая Анна Дианова?

– Аня? Вы уже были у нее? – Светлана произнесла это уже более мягким тоном, и Юля, воспользовавшись тем, что Гусарова как будто немного успокоилась, выложила ей все, что знала о Лоре.

– Вы простите Аню. Я даже представила, как Дианова выставила вас за дверь. С ней это иногда случается. Дело в том, что она просто боготворила Лору. Но то, что вы мне только что рассказали, полнейшая чушь.

– Светлана, давайте попытаемся вместе представить себе ситуацию, при которой женщина ведет себя именно так, как повела себя Лора.

– Да здесь и думать нечего.

– В смысле?

– Разве вы не понимаете, что ТАК может себя вести только БОЛЬНОЙ человек?

– Но ведь вы в один голос готовы утверждать, что ваша подруга была совершенно здорова!

– Правильно. Но болезнь приходит неожиданно. Вдруг она заболела каким-нибудь психическим расстройством, которое проявляется довольно редко? Я много читала об этом, поскольку у меня была больна сестра.

– А что, если там, на кровати в спальне, лежала... не Лора? А другая женщина? Вы готовы к тому, чтобы опознать труп?

– Разумеется. Но только перед этим мне надо немного выпить. Я что-то разволновалась.

– А вы можете позвонить Диановой и пригласить ее поехать с нами? – Юля и сама не ожидала от себя такой смелости. Она уже представила, как звонит в морг, Леше Чайкину, и договаривается об опознании, и это при том, что тела уже наверняка давно опознаны другими знакомыми Садовниковых.

– Конечно. Вот только подключу телефон.

* * *

Отступать теперь было поздно. Юля привезла Анну и Светлану в морг. В салоне машины пахло водкой и лимоном, которым дамы закусывали.

– Ну что, девочки, пойдем? – спросила захмелевшая Гусарова, вылезая из машины, и, покачиваясь, направилась к высокому крыльцу одного из корпусов мединститута, в котором в подвале находился центральный городской морг и анатомический музей.

Анна, выпившая ничуть не меньше подруги, вела себя намного сдержаннее. Казалось, до нее еще не дошло, куда они вообще приехали.

Юля заперла машину и, прижимая к груди пакет, набитый «Таллинской» колбасой, водкой и помидорами, поднялась на крыльцо. Светлана открыла дверь и пропустила ее вперед.

– Привет, Чайкин, – Юля смело, как будто всю жизнь занималась лишь тем, что вручала судмедэкспертам подарки, протянула Леше, похожему на носатую обесцвеченную ворону, пакет и деловито поинтересовалась: – Ну что, уже уехали?

Час назад она звонила ему, напрашиваясь на визит, и только получив согласие, сказала Гусаровой, чтобы та позвонила Анне. Чайкин, зная, что за свою работу он получит приличные деньги, практически не ломался.

– Приезжай, конечно, но только здесь еще Арсиньевич, его зам.

И Юля поняла, что ее предположения оправдались – тела Садовниковых уже кто-то опознал. «Значит, Арсиньевич». Но ей важны были показания подруг Лоры. Конечно, не расскажи Лора свою странную историю о второй жизни, никто бы не стал беспокоить ее подруг. Но здесь чувствовалась какая-то тайна.

Шли длинным, выложенным желтоватым кафелем коридором. Женщины трезвели на глазах. То и дело оглядывались и со страхом смотрели на казавшуюся невозмутимой Юлю. Если бы они только знали, сколько сил ей потребовалось, чтобы придать своему лицу это спокойное выражение. Внутри она вся дрожала от страха, к горлу подкатывала тошнота. Но она была ОБЯЗАНА не подавать виду. Иначе ей как сыщику, как следователю, как юристу вообще грош цена. Надо преодолеть себя во что бы то ни стало. Набрать в легкие побольше этого вонючего воздуха и сыграть выпавшую ей роль.

– Сюда, – услышала она, как в тумане, голос Чайкина.

Отворилась высокая металлическая дверь, и женщины вошли в маленький, освещенный неоновыми лампами коридорчик. Здесь пахло невыносимо.

– Как вы только здесь работаете? – подала голос Анна и приложила к носу платочек.

– Я здесь не только работаю, но и живу, – посмеиваясь ответил Чайкин, высыпая содержимое пакета на большой письменный стол. Подмигнув оробевшей Юле (ей вдруг показалось,

что он, как никто другой, сейчас понимает ее), он открыл еще одну дверь, и спустя мгновение все три женщины оказались в большом, хорошо освещенном зале, заставленном металлическими столами на колесиках.

Лору Юля узнала сразу же по длинным белым волосам, свисавшим со стола и казавшимся такими же безжизненными, как распростертое на столе обнаженное тело. Посиневшее лицо с остатками запекшейся крови, полуприкрытые глаза...

– Лора, – Анна рванулась к ней и, к удивлению всех присутствующих, склонилась прямо к лицу убитой и прижалась щекой к ее щеке. – Боже мой, Лора. Бедняжка, – и она разрыдалась.

Гусарова тоже подошла и почему-то взяла руку мертвой подруги в свою руку и приподняла, словно желая, чтобы Лора открыла глаза и поднялась со своего ледяного ложа.

– Это она? – спросила Юля хриловатым от волнения голосом. Тошнота почему-то прошла. Ей тоже хотелось плакать.

– Это Лариса Садовникова, – повернувшись, очень серьезно сказала Чайкину Анна. – Это точно она. В этом не может быть никаких сомнений.

Чайкин поджал губы и кивнул.

– Пуля прошла навывлет, – дрогнувшим голосом проговорила Светлана, осматривая голову Лоры. – Неужели это сделал Сергей?

– А он мог? – спросила Юля.

– Разве что из ревности. Но тогда кто же убил его? Он сам? Какая нелепость! Разве что он узнал...

Юля повернулась и увидела, что Анна резко дернула Гусарову за руку. «Проговорилась...»

На Сергея смотрели не так долго. Отошли.

– Ты когда начнешь вскрытие? – спросила Юля Чайкина.

– Да сейчас же и начну. Вот только приму на грудь да закушу «Таллинской» колбаской. Это тебе Крымов сказал про «Таллинскую»?

– А то кто же. Спасибо. Завтра вечером к тебе придет Надя, хорошо?

– Ты скажи ей, что она может приезжать ко мне хоть сейчас, места здесь много.

– Хорошо, я ей так и передам.

Женщины поджидали ее на улице.

– Я должна извиниться перед вами, – сказала Анна, обращаясь к Юле. – Я вела себя как свинья. Мы вот тут поговорили со Светой. Может, и правда у Лоры крыша поехала. Но, поверьте, ничего такого я за ней не наблюдала.

– Вы понимаете, в чем еще дело. Лора ведь просила меня найти семью, в которой она жила раньше... Она сказала, что у нее как будто были дети.

– Она не рожала, это совершенно точно. И ни разу не беременела. В смысле не делала аборта. Откуда тогда дети?

– А оттуда, что она могла все это придумать, – вставила Гусарова, ежась от ветра. Ее знобило с похмелья.

В машине Юля спросила:

– Света, вы сейчас проговорились, когда произнесли фразу: «Разве что он узнал...» Вас еще Анна дернула за руку. Почему вы не хотите мне рассказать о Лоре правду? Ведь вы что-то скрываете от меня. Это, конечно, ваше дело.

– Понимаете, – перебила ее Анна, – Лору уже все равно не воскресить.

– То есть вы хотите этим сказать, что вам все равно, кто убил Лору?

– А почему вы решили, что ее кто-то убил? Это двойное самоубийство... по договоренности. Такое бывает...

– Вы думаете, что все произошло именно так?

Но ей никто ничего не ответил.

* * *

В семь часов Юля уже звонила в квартиру Сотниковых. И хотя физически она чувствовала себя ужасно, в душе она радовалась такой резкой перемене в себе. Сегодняшний день ей не забыть никогда. Первые, хоть и маленькие, победы над собой придали ей уверенности, и потому, войдя в квартиру Сотниковых, предъявив свое удостоверение и увидев перед собой большеглазого мальчика Володю, Юля решила немного поблестать. Но для начала она сказала родителям, что хочет побеседовать с Володей наедине. Их оставили в его комнате и ушли, взволнованные столь поздним визитом частного детектива.

Володя был нескладным прыщавым подростком с темными красивыми глазами и тонкими темно-красными воспаленными губами. На нем были синие потертые джинсы, тонкий белый свитерок и голубая джинсовая куртка.

– Я знаю, что с тобой сегодня говорил Крымов. Пойми, если ты будешь молчать, мы будем вынуждены принять соответствующие меры.

– А что вы от меня хотите? – у него был грубый, но еще не оформившийся голос. Тринадцать лет, восьмой класс – он был еще совсем ребенком.

– Мы хотим, чтобы ты рассказал, где и с кем Рита Басс проводила время, заявляя своим родителям, что ходит на уроки английского.

– Но я уже говорил вашему сотруднику, что провожал Риту только до ее дома, а после этого возвращался к себе. Я ничего не знаю. Мне уже несколько раз звонила тетя Марта, она мне угрожала, сказала, что заявит на меня в милицию. Но я и правда ничего не знаю про Риту.

– Понимаешь, в чем дело, Володя. Перед уходом из дома Рита взяла теплые вещи. Она могла это сделать только по одной причине: она ушла из дома сознательно. Но ей всего тринадцать лет, и если окажется, что ты знал, с кем она встречается, и не сказал нам об этом, а потом с ней что-нибудь случится, то ты будешь виноват. Я не могу, конечно, заставить тебя сказать то, о чем ты умалчиваешь. Но ты же не маленький, ты читаешь газеты, смотришь по телевизору криминальную хронику. Ты знаешь, сколько трупов находят по весне в посадках и дачных поселках. Риту надо вернуть домой во что бы то ни стало.

Она смотрела на подростка и чувствовала, что он что-то скрывает. Скорее всего Рита предпочла другого, быть может, более взрослого парня. И как ему признаться в этом? Это все равно что расписаться в собственной несостоятельности, слабости. Она понимала его.

– Значит, ты ничего не скажешь?

– Вы неправильно ставите вопрос. Ничего не знаешь – вот это было бы правильно. Но я действительно ничего не знаю. И если Марго ушла из дома, значит, ей там все обрыдло. Я бы и сам ушел, если бы было куда.

Это были последние слова, произнесенные Володей Сотниковым. Больше он не проронил ни звука.

«...если бы было куда...» Юля несколько раз повторила эту фразу вслух, уже находясь в машине. Неужели этим он хотел сказать, что Рите БЫЛО куда идти? Дача?

Она позвонила Крымову. Ее машина плавно неслась по широкой, ярко освещенной улице в сторону Абрамовской.

– Это ты? – услышала она его недовольный голос. – Если бы ты знала, как ты не вовремя.

– Ты был на даче?

– Я же просил тебя позвонить в десять. Ну что ты на самом деле?

– Оторвись от тела и ответь мне на вопрос: ты был на даче?

– Был. Там кто-то живет, я прождал там полтора часа, пытался опросить соседей, но никто ничего толком не сказал.

– Ты был внутри?

– Говорю же, – он был сильно раздражен, но Юле было уже наплевать на то, в каком состоянии и с кем в постели она его застала, – ТАМ кто-то живет. Остатки еды, женская одежда. Непонятно, кто именно. Завтра утром поеду снова.

– Не завтра, а сейчас, немедленно.

– Ты что, мать, спятила? Извини, – последнее слово было явно обращено к женщине, с которой он развлекался, – я же просил тебя перезвонить мне в десять часов.

– Обещай мне, что мы с тобой поедem в десять на дачу. А вдруг она там?

– Обещаю, – произнес он жестко и отключился.

– Ненавижу!.. – Юля швырнула телефон на соседнее сиденье и прибавила скорость.

Уже через четверть часа она парковала машину возле крыльца агентства. Все окна были освещены. Дверь, правда, была заперта. Надя подстраховалась и, чтобы в агентство не зашли какие-нибудь любители развлечений, заперлась. В случае необходимости в агентство можно было попасть, предварительно позвонив в дверь.

Надя, услышав звон ключей и шаги в коридоре, сама вышла встречать Юлю.

– Привет, дорогая, – она даже приобняла Юлю, чего раньше никогда не было. – Знаешь, я так волновалась за тебя. Устала, наверно?..

Как хорошо было после тяжелого дня оказаться в уютной приемной, где тебя ждут горячие бутерброды, пирожки и сколько хочешь кофе или чаю!

– Ну, рассказывай.

* * *

– Надя, не знаешь, что с ним?

Они говорили о Крымове.

– Юля, у тебя мысли сейчас должны быть совершенно о другом. Подумаешь, Крымов! Ты сейчас занимаешься таким делом.

– Что проку, если мне его никто не заказывал? Вот увидишь, Крымов обрушит на мою бедную голову столько упреков, что я просто вынуждена буду бросить расследование.

– Но он же дал тебе денег на бензин?

– Дал. Но ведь ты уже отдала на экспертизу белье. А кто будет это оплачивать?

– Не переживай, у Крымова есть деньги. Хотя, если честно, я и сама не понимаю, откуда они у него. Думаю, что из прокуратуры он ушел не случайно. Но... молчок... не наше это дело, верно? – И Надя заговорщицки улыбнулась. – Между прочим, тебе снова звонил твой поклонник.

– Не хочу сейчас о нем слышать. Честное слово, мне теперь не до него. Ты мне лучше скажи, как ты думаешь, мне показалось, что эти две кумушки от меня что-то скрывают, или...

– Вот именно, или. Понимаешь, должно пройти какое-то время, чтобы они осознали всю важность их показаний. Кроме того, ты уж не обижайся, но ты могла произвести на них не очень-то благоприятное впечатление.

– То есть?..

– Ты молода, красива, а женщины всегда ревниво относятся к чужой красоте и возрасту. Я вот тебе сейчас скажу одну вещь и думаю, что она тебя сильно шокирует. Мне кажется, что то восхищение, которое они выражали относительно теперь уже покойной Лоры, – неискреннее. Во всяком случае, при ее жизни они относились к ней не так восторженно, как стремятся это показать сейчас. Это парадокс. Они любили ее и не любили одновременно.

– Надя, по-моему, ты несешь какой-то бред. Ты бы видела, как прижималась Анна щекой к щеке Лоры. Я уверена, что это был естественный и искренний порыв.

– А кто спорит?

– Тогда я тебя совсем не понимаю.

– Мне кажется, что эти подружки ничего тебе не рассказали о Лоре по той простой причине, что они были вместе, и, возможно, им было стыдно друг перед дружкой. А вот поодиночке, уже теперь, когда они убедились в том, что Лора мертва, они могут рассказать о ней правду.

– А вдруг этой самой правды нет?

– Не переживай раньше времени. У тебя еще остались другие приятельницы, быть может, они что-нибудь расскажут. Понимаешь, не бывает идеальных людей. Тем более женщин.

– Я все-таки думаю, что Лора была больна, и ее подружки могли бы кое-что рассказать о редких проявлениях этой психической болезни. И еще я постоянно думаю про ту девушку в розовом сарафане, которая вляпалась в кровь и вытирала ноги о траву. Кто она и что делала в квартире Садовниковых? Почему квартира была открыта? Как туда вошел убийца?

– Ты уверена в том, что это именно убийство?

– Надя, не будь такой наивной. Если бы ты только видела их... Они даже мертвые были красивыми. Ты напрасно улыбаешься. У нее такая роскошная фигура, бедра, грудь. А видела бы ты тело самого Садовникова... У них было все, что нужно для вполне комфортной и приятной жизни. Кстати, мне необходимо встретиться с Арсиньевичем.

– Кто такой?

– Зам Садовникова. Думаю, что он расскажет много интересного. Если захочет, конечно. Надя, у меня глаза закрываются. Который час?

– Без пяти десять. Ты домой?

– Какое там!.. А Крымов? Я же обещала позвонить ему.

– Неужели ты собираешься поехать с ним на дачу?

– Собираюсь. В машине немного посплю. Крымов? – Юля прижала к уху трубку. – Если снова начнешь орать на меня, больше меня в агентстве не увидишь.

– Привет, птичка... – голос Крымова на этот раз был умиротворенным.

– Так мы едем на дачу к Бассам или нет?

– Ты сейчас где?

– В агентстве. Я работаю, понимаешь, в отличие от остальных.

– Не ной, сейчас я за тобой приеду. Передай Наде, чтоб шла домой.

Юля положила трубку и тяжело вздохнула:

– Скажи, ну почему мужчинам можно все, а нам, женщинам, – ничего?

Глава 5

Уже в машине Крымова Юля вспомнила о записке, которую так и не взяла у Нади. «Дырявая голова».

Крымов вел машину уверенно и с удовольствием. Ночной город светился мягким оранжевым светом, дороги были практически пусты.

Вылетели за город, и Крымов заговорил:

– Я не знаю, что со мной происходит. Я и сам себя не узнаю.

Юля повернула голову и увидела слабо освещенный профиль Жени. Лицо его было как никогда серьезно, голос – тоже.

– У тебя проблемы?

– Не то слово. Я понимаю, конечно, что не должен тебе ничего этого рассказывать, но так получилось, что, кроме тебя, у меня никого нет. Я имею в виду человека, которому я мог бы довериться. Ведь ты рассказала мне про свои кошмары и страхи. А теперь и я хочу поделиться с тобой тем, что меня мучает. Помнишь ту женщину, с которой ты встретила меня в городе и с которой я целовался?

Юля промолчала. Она едва сдерживалась, чтобы не уснуть, и время от времени даже пощипывала себя за руку.

– Так вот. Я познакомился с ней на одной вечеринке. Ты, наверно, не успела заметить, но она очень красива. Вернее, нет, не так. Она совершенно некрасива в общепринятом смысле этого слова. У нее непропорциональное лицо, слишком большие глаза, крохотный нос. Причем глаза совершенно лисьи... да и вся она рыжая. Вот возьмем, к примеру, нашу Щукину, ведь она тоже рыжая, но у нее рыжина какая-то простоватая, симпатичная, деревенская, что ли. Женщина, о которой я тебе рассказываю, тоже рыжая, но у ее волос какой-то коньячный оттенок.

– Крымов, может, ты все-таки заткнешься? – Юля уже не хотела спать. Ей хотелось вцепиться Крымову в физиономию и расцарапать ее до крови. – Ты мне будешь описывать свою новую любовницу сантиметр за сантиметром? Ты, Женя Крымов, директор детективного агентства, у которого голова должна быть забита трупами и моргами, ведешь себя как сексуальный маньяк. Ты даже не спросил меня за все это время, где я была весь сегодняшний день и что я делала, чтобы найти убийцу Садовниковых. Ты не воспринимаешь меня всерьез? Ты просто пошутил надо мной, когда поручил мне вести это дело?

– Не кипятись, именно об этом я как раз и собирался с тобой поговорить. Вернее, не о Садовниковых, что о них теперь говорить, когда они все равно мертвые. Я описывал тебе свою приятельницу не для того, чтобы вызвать в тебе новый приступ ревности. Понимаешь, она каким-то образом воздействует на меня...

– Известное дело, каким...

– Ты напрасно со мной так. Ведь когда ты рассказывала мне о своих проблемах, я слушал тебя не перебивая.

– Ну хорошо. Извини.

– Понимаешь, как человек она ничего особенного из себя не представляет. Легкомысленная особа, которую ничего, кроме секса, не интересует. Но почему я веду себя при ней как последний идиот – вот этого я никак понять не могу. Она может позвонить мне в любую минуту и назначить встречу, и я – ЕДУ.

– Ты просто влюблен. Любовь – слепая. И эта дама вовсе не должна быть красивой и умной, чтобы ты влюбился в нее. Ты ПОПАЛСЯ. И хочешь обижаться на меня, хочешь – нет, но мне бы ужасно хотелось, чтобы ты как-нибудь случайно, на улице, увидел, как твоя рыжая целуется с другим мужчиной, быть может, тогда ты понял бы, как мне было больно. Вот ты только что сказал, что не собирался вызвать во мне приступ ревности. Все это только слова. Ты прекрасно

знал, что я не смогу удержаться... – Юля замолчала, потому что почувствовала, как в горле застрял ком. В глазах уже стояли слезы. – Это слишком жестоко и эгоистично посвящать меня в твои личные проблемы. Ведь когда мы с тобой спали, обнявшись, ты воспринимал меня не просто как своего друга, ты говорил мне, что любишь меня. И после этого ты посмел сделать меня своей жилеткой, в которую в любую минуту можно поплакаться?

– Ну извини. Я не подумал.

– Скажи мне: ты будешь работать или нет? И вообще, Крымов, откуда ты взял деньги на открытие агентства? Это секрет?

– Что-то раньше ты не задавала мне подобных вопросов.

– Понимаешь, когда деньги достаются легко, то ими, как правило, не дорожат. Я имею в виду СЛУЧАЙНЫЕ деньги. Я не думаю, что если бы ты копил эти деньги в течение нескольких лет и они достались бы тебе дорогой ценой, ты вот так легкомысленно относился к своим делам. Что-то здесь нечисто.

– Я сейчас слушаю тебя и понимаю, что ты права на все сто. Но стоит ЕЙ позвонить, как я снова все забуду. Помнится, это я говорил тебе про охотничий азарт, а сам из гончей превратился в домашнего надушенного пуделя. Ты бы видела, что она со мной вытворяет... Играет, словно с игрушкой, пудрит, красит ресницы, надевает парики, поливает духами...

– Кто она по профессии?

– Актриса.

– Ты мне снова ничего не ответил про деньги. Я веду себя по-хамски, задавая тебе этот вопрос?

– Ничуть. Год тому назад этот вопрос мне задавали все подряд. Просто тебе раньше было не до этого. Что ж, я тебе отвечу, как отвечал своим друзьям: я продал родительскую квартиру в Вильнюсе.

– И это правда?

– Правда. То, что я ее там продал. Но деньги там были небольшие. Просто я помог одному человеку... вот он мне и заплатил.

– Так я и думала. – Юля снова попала под обаяние Крымова: ей льстило, что он выложил ей хотя бы эти крупницы правды. Значит, он ей доверяет, ведь стоит только копнуть дела, которые он вел годом раньше, и человек внимательный и заинтересованный легко вычислит имя благодетеля Крымова. Хотя навряд ли подобного спонсора можно назвать благодетелем, ведь в этой роли первому пришлось выступить все-таки Крымову. «Наркотики или оружие», – определила про себя Юля.

Машина съехала с пустынного шоссе влево и покатила по мягкой, словно шерстистой дорожке в глубь темнеющего дачного массива.

– И как ты только здесь ориентируешься? Я бы сама ни за что не запомнила расположение дома, – сказала Юля, когда фары, осветив широкие зеленые ворота, погасли. Машина, словно устав, издала хрипловатый, похожий на стон звук и затихла.

Юля с Крымовым вышли из машины и направились к калитке. Было прохладно, пахло свежестью и костром, как пахнет обычно на дачах. Крымов открыл калитку, сначала зашел сам, потом, протянув Юле руку, почти втащил ее в сад. Перед ними тянулась голубоватая от лунного света дорожка, по обеим сторонам которой стояли большие ветвистые деревья, похожие на яблони или груши. Квадрат дома, четко вырисовывавшийся на фоне темно-синего неба из-за горящего на параллельной улице фонаря, не светился ни одним окном.

– Послушай, Крымов, до меня только сейчас дошло, что когда я звонила тебе по телефону и спрашивала про Риту и вот эту дачу, ты, передавая мне свой разговор с председателем дачного кооператива, даже не потрудился назвать фамилию нового хозяина или хозяйки.

– Соболев. Герман Соболев. Молодой парень. Председатель видел его всего пару раз, когда оформлял передачу участка.

– Ты его хотя бы расспросил про этого Соболева: кто он и откуда? Кто его родители?

– Он ничего не знает, кроме адреса, разумеется.

– Надеюсь, ты его записал?

– Юль, ты так и будешь разговаривать со мной в таком тоне? Я его не то что записал, даже запомнил.

Они подошли к крыльцу дачи и осторожно поднялись на него. Женя дернул за ручку, дверь поддалась.

– Слушай, у меня сегодня утром тоже так получилось, – прошептала Юля, содрогаясь от озноба и волнения: как-никак они собирались войти в чужой дом. Кроме того, в саду вдруг поднялся ветер, пронизывающий до костей. – Я только коснулась ручки, как дверь открылась. Если бы ты знал, как я наволновалась.

Она едва сдерживалась, чтобы не схватить Крымова за локоть и не прижаться к нему. Мысль о том, что дача может оказаться пустой и в ней можно будет спокойно переночевать, согреваясь в объятиях Крымова, одновременно и ужасала ее, и приводила в тихий восторг.

– Предлагаю постучать, – неожиданно сказал Женя и сразу же несколько раз стукнул кулаком по двери. Юля затаила дыхание. Больше всего на свете она боялась собак. Но в доме в ответ на стук не раздалось ни одного звука, который свидетельствовал бы о том, что в нем кто-то есть.

Крымов уже более уверенно вошел, пошарил рукой по стене и, обнаружив выключатель, щелкнул им. Яркий свет ударил в глаза, Юля зажмурилась. А когда открыла их, то увидела перед собой просторные, заваленные пустыми деревянными ящиками из-под рассады сени. Женя открыл следующую дверь и шагнул в комнату. Юля молча шла следом, то и дело оглядываясь.

В большой комнате, окна которой были плотно занавешены шторами, стояли широкий диван, узкая кровать и круглый обеденный стол с тремя стульями. Пахло мышами и яблоками, которые в невероятном количестве были рассыпаны прямо по полу. Красные, матовые, гладкие, они источали крепкий аромат и вызвали в Юле желание съесть сразу несколько штук, что она и сделала, пока Крымов обследовал комнату.

– Здесь явно жили. Видишь, миска с остатками постного масла и засохшим огурцом, здесь делали салат. А на подоконнике пепельница с окурками. Иди сюда. – Крымов сел и, взяв Юлю за руку, усадил к себе на колени. – Устала? – спросил он так, как спрашивал ее ТОТ, прежний, Крымов, которого она любила, заботливый и нежный. Он поцеловал ее и повалил на диван. Юля растерялась от нахлынувших чувств и не знала, что делать. Целый день держать себя в узде, поверить в то, что она сильная, а к ночи потеряться настолько, чтобы оказаться опрокинутой на диване в чужой даче только потому, что этого захотел Крымов?..

– Нет!.. – она заставила себя произнести это слово, резко поднялась и одернула широкую шерстяную юбку. – Крымов, я так не могу. Умерла так умерла, понятно?

– Рыбка, тебе не понравилось ложе? Думаю, что в других комнатах есть что-нибудь получше. Кажется, даже двухспальная кровать с матрацем и ватным одеялом. – И Крымов, не обращая внимания на протестующие повизгивания запутавшейся в своих чувствах Юли, схватил ее за руку и потащил в спальню, которую обследовал еще днем и наверняка даже повалялся на понравившейся ему кровати.

Оказавшись в совершенно темной, без окон, спальне, они повалились на кровать, но Юля вдруг рванулась и с воплем выскочила из комнаты. Крымов моментально включил свет, и они увидели лежащего на кровати ничком мужчину в черном свитере и черных джинсах.

Крымов подошел к нему и взял за руку. Судя по тому, как безжизненно упала рука на матрац, Юля поняла, что мужчина мертв.

– Что с ним? – ее колотила нервная дрожь. – Женя, да переверни же ты его!

Крымов медленным движением перевернул мужчину, и на Юлю уставились полуоткрытые, подернутые пленкой глаза молодого парня с черными усами.

– Он мертвый, но я не вижу крови.

– Пойдем отсюда.

– Слушай, Юля, с тобой вообще опасно где-либо появляться. Где ты, там очередной труп.

– Пойдем отсюда. Мы же наследили, все трогали руками, а я так даже ела яблоки.

– Забери огрызки с собой, хотя все равно придется звонить в милицию. Как ты думаешь, этот труп как-то связан с исчезновением Риты Басс?

– Не знаю, но всякое может быть.

– А вот я так просто уверен, что это связано с Ритой. Я понимаю, конечно, что ты хочешь домой, что у тебя сегодня был тяжелый день, но не можем же мы уйти отсюда, даже не осмотрев тело.

* * *

– Я бы дорого дала, чтобы, позвонив Бассам, услышать, что Рита вернулась домой, – говорила Юля уже в машине, когда они возвращались в город. – Если смерть этого парня как-то связана с исчезновением Риты, то вполне вероятно, что и она уже мертва. Ты считаешь, что парня отравили?

– Похоже на то. Единственное, что я смог разглядеть, не раздевая труп, это небольшая царапина на кисти руки. Возможно, парень оцарапал руку о металлический вензель на спинке кровати, когда падал. Понимаешь, поза, в какой мы его застали, свидетельствует о том, что смерть наступила мгновенно. Его не ударили, не застрелили. А может быть, это просто сердечный приступ. Кровоизлияния, образовавшиеся на его лице, могли возникнуть по разным причинам.

– Как ты объяснишь своим друзьям в прокуратуре, что мы с тобой делали на даче?

– Скажу как есть. Если бы мы кинулись стирать наши отпечатки пальцев, то стерли бы и другие, благодаря которым, возможно, удастся определить, кто находился рядом с парнем в момент его смерти или раньше.

– Крымов, перестань разговаривать со мной, как с маленьким ребенком.

– Бассы принесли тебе деньги?

– Откуда же я знаю, приходили они ко мне или нет, если меня весь день не было дома?! – в сердцах воскликнула Юля, чувствуя, что теряет над собой контроль. Нервы ее были на пределе. – Я вижу, что тебя в этой истории интересуют только деньги! За все время поездки ты так и не спросил меня про Садовниковых... – она была готова расплакаться.

– Слушай, я тебе отвечу честно: пока меня НЕ НАЙМУТ, я и пальцем не пошевелю. Мне хватило полунищенского существования, пока я работал в прокуратуре. Согласен, мое высказывание может тебя шокировать, но должен же я когда-нибудь говорить правду. Приходит какая-то полоумная баба и заявляет, что она – не она, но что ей нравится спать с Садовниковым, затем приходит Садовников и просит проследить за нею... Чертовщина какая-то.

– Кстати, ты записал ваш разговор с Садовниковым? Ты не забыл, что кассета с рассказом Лоры исчезла?

– Да она сама же и взяла ее... Передумала обращаться к нам, вот и забрала кассету. А разговор с Садовниковым я записал, но что проку? Он мне не рассказал абсолютно ничего интересного, только высказал предположение, что к его жене кто-то прилетал на самолете.

– Все это более чем странно. Подумаешь, авиабилеты в мусорном ведре. Вернее, даже обрывки, которые мог оставить в квартире любой человек, побывавший у них в тот день. Кстати, я забыла сегодня спросить, не держали ли Садовниковы домработницу или кого-нибудь в этом роде. В жизни бывают такие ситуации, которые и предположить-то сложно. К примеру,

зашла к Лоре соседка за рецептом пирога, разговорились, Лора решила ей продиктовать свой рецепт, соседка порылась в кармане халата, достала какие-то обрывки бумаги – пусть это и будут эти злосчастные авиабилеты – и хотела уже записать, но в эту минуту зазвонил телефон, да мало ли что могло произойти, после чего соседка ушла к себе домой, так и не записав рецепта, но оставив на столе клочки бумаги. Лора смахнула их в мусорное ведро, после чего их нашел там ее муж и, заподозрив в измене, решил обратиться к нам в агентство.

– Слушай, да тебе только романы писать. Хотя в принципе ты права.

– Мне непонятно только одно: почему он заподозрил Лору в измене только в связи с этими авиабилетами? Я поняла бы еще, если бы он обнаружил... использованный презерватив или что-нибудь этакое. Или же увидел жену с другим мужчиной.

– Я понимаю, что ты хочешь меня заинтересовать, но я не альтруист, рыбка, я дал себе слово, что буду работать только за деньги. Ты можешь меня презирать, можешь даже сказать мне это в лицо, но пока ко мне не придут и не попросят найти убийцу Садовникова, я не пошевелюсь, я уже тебе сказал.

– А те пять тысяч, которые он тебе дал?

– Они пойдут на зарплату, бензин и прочие необходимые расходы. Все, подруга, приехали. Смотри, опять эта черная машина с тонированными стеклами.

И действительно, теперь уже и Юля видела припаркованную почти к подъезду ее дома большую черную машину. Она знала, что это ее поклонник, которого Надя вычислила как некоего Ломова.

– Ты знаешь, кто он? – спросила Юля, поворачиваясь к Крымову, и отшатнулась, наткнувшись на его бледное, залитое голубоватым светом уличного фонаря лицо. Глаза Крымова были почти белыми, а взгляд – ледяным, злым.

– Это Ломов, друг губернатора, а сейчас министр экономики области. Пренеприятная личность. Ты спишь с ним?

– Да нет же. Я его даже никогда не видела, мы с ним разговариваем только по телефону.

– Ну и зачем он тебе нужен?

– Еще не решила.

– Он предлагает тебе что-нибудь?

– Тебя это не должно касаться. У тебя есть твоя актриса-гипнотизерша, которая красит тебе губы и надевает на тебя парики, вот с ней и разговаривай на такие темы. Я вообще не понимаю, какое ты имеешь право задавать мне подобные вопросы.

– Значит, говоришь, что ни разу не видела его. Так вот, увидишь – упадешь в обморок. Это самый настоящий уродец, мужчины страшнее я еще не встречал.

– У него какой-нибудь физический недостаток? – невольно вырвалось у Юли, не сумевшей сдержать своего любопытства: интересно же все-таки, как выглядит тайный воздыхатель.

– Да он весь, полностью – физический недостаток. Говорю же, уродец. Его даже не показывают по телевизору. Огромная голова, глаза навывкате, толстые губы, а сам горбатый.

– И как же могли такого человека назначить министром? – спросила Юля, внутренне содрогаясь от представленного ей портрета телефонного визави.

– У него ума палата. Он действительно умный и крепкий мужик, несмотря на свои шестьдесят. Будь с ним поосторожней, пожалуйста.

– Да что он такого может мне сделать?

– Еще не знаю. Но то, что его машина стоит здесь, рядом с твоим домом, – не случайно.

– Разумеется, я ему нравлюсь. Он присылает мне подарки.

– В том-то и дело, что ПРИСЫЛАЕТ, а не приносит сам. Потому что знает, стоит тебе его увидеть во всей красе, как ты закричишь от ужаса.

– Брось, Крымов. Ты напоминаешь мне мальчишку, рассказывающего на ночь страшную историю, чтобы только я не уснула. Можешь не стараться, я все равно буду спать без задних ног.

– Ты, конечно, не слушаешься моего совета, тебе льстит, что за тобой ухаживает министр, но все же... не подпускай его к себе. Подумай сама, тебе не семнадцать лет, ты обыкновенная молодая женщина.

– Ты еще скажи, что я некрасивая и дура.

– Да пойми ты, у Ломова неограниченные возможности. Как ты думаешь, почему он из всех женщин, которых ему могли бы присылать даже из Африки или Австралии, предпочел тебя?

– Я спрошу его об этом, – холодно произнесла Юля, выходя из машины. – Спасибо, что подвез. Если мне позвонит Марта и скажет про деньги, я перезвоню тебе. Или нельзя?

Крымов смотрел на нее, стиснув зубы.

– Звони мне в любое время и научись не обращать внимания на мои резкие выпады. Сотовый телефон – пренеприятнейшая штука, которой не место в постели, согласись.

Она резко повернулась и вошла в подъезд. Поднимаясь по лестнице, Юля была готова к тому, что увидит у двери квартиры сверток с цветами, но ошиблась. Уголок белой бумаги торчал из замочной скважины. Значит, там должен быть какой-нибудь нейтральный текст. Но от кого? От Ломова? От Марты Басс?

Она достала записку и, развернув ее, прочла:

«Как только войдете, позвоните, пожалуйста, по этому телефону».

Записка была отпечатана на компьютере. Кто-то осторожничает.

«Ладно, позвоню».

И только оказавшись дома и упав на кровать, Юля поняла, как сильно она устала. Все тело ломило, глаза закрывались. Не было ни аппетита, ни вообще каких-либо желаний, кроме желания поскорее уснуть. Разве что принять ванну.

Уже лежа в ванне и наблюдая за тем, как все выше и выше поднимается вода, обволакивая приятнейшим теплом тело, Юля, расположив на столике телефон и разгладив записку, набрала указанный в ней номер и затаила дыхание. Трубку взяли, и она услышала голос Ломова:

– Слушаю.

– Это вы оставили мне записку?

– Юлия Земцова? Привет.

Она даже приподнялась в ванне, до того ее удивило его фамильярное «привет».

– Что-то вы сегодня припозднились. Вас подвез Крымов?

– Предположим. И почему бы вам не представиться по-настоящему?

– Пожалуйста. Павел Андреевич Ломов. Это Крымов вам рассказал обо мне?

– Почти.

– Он опять ревнует?

– Не знаю.

– Знаете, что я хотел бы больше всего на свете?

– Откуда же мне знать?

– Встретиться с вами.

– А почему именно со мной?

– Глупый вопрос. Извините, конечно. Но именно с вами потому, что вы нравитесь мне. Вы красивая молодая женщина, у вас превосходная фигура, нежная кожа и вообще вы вся просто светитесь изнутри. Мне бы хотелось обладать вами. Видите, я предельно искренен.

– Я это заметила. – Юля перевела дух и слизнула выступившую над губой капельку пота. От горячей воды сверху поднимался пар. – Но, по-моему, так не знакомятся и не предлагают себя.

– Глупости. Если я вас хочу, то кто же, как не я, скажет вам об этом? Другое дело, что Крымов наверняка проинформировал вас, что я стар и некрасив. Что ж, здесь он прав.

– Вы что, установили в его машине подслушивающее устройство?

– Нет, просто догадался. Понимаете, Юля, мне не хотелось бы, чтобы вы воспринимали меня как сексуального маньяка, который звонит по ночам и предлагает девушке разные гнусности. Я и пальцем до вас не дотронусь, пока вы сами этого не захотите. И я не могу, конечно, быть уверенным в том, что когда-нибудь этот миг наступит, но я буду очень стараться... очень...

И он положил трубку. Юля была в шоке. Она не допускала мысли о том, что их разговор могли просто прервать. Слишком уж законченная и эффектная фраза прозвучала в конце: мол, ждите продолжения.

И оно не заставило себя ждать. Раздался звонок в дверь. «Это Марта...»

Накинув халат, она подбежала к двери и заглянула в «глазок»: никого. И снова тихо. Тогда она метнулась к окну, но увидела лишь хвост удаляющейся на тихом ходу черной машины. Значит, тот, кто ей только что позвонил в дверь, уже уехал. Это навряд ли был сам Ломов, это, должно быть, кто-то из его ближайшего окружения.

Она открыла дверь, но для надежности решила не торопиться с цепочкой. Но даже в образовавшуюся щель она смогла увидеть на пороге большую картонную коробку. Таковую, в каких возят телевизоры или бытовые комбайны.

Юля сняла цепочку, открыла дверь пошире и, убедившись в том, что лестничная площадка пуста, с большим трудом втащила коробку в прихожую.

Раскрыв ее, она обнаружила в ней корзину с продуктами. Вернее, с фруктами и сладостями. «Как в кино...» Ухватившись за ручку, она достала из коробки корзину и отнесла ее на кухню. Села и, подперев щеку, стала смотреть на этот гастрономический шедевр. «Красиво», – как сказала бы мама. И это действительно было красиво. Оранжевые, с нежным золотистым пушком персики, лоснящиеся мандарины, переполненные соком продолговатые с янтарным отливом груши, маленькие красноватые яблочки, живописный фиолетово-черничный с молочным перламутровым налетом виноград, почти черные, подернутые восковой голубоватостью сливы, розовато-рыжие, непристойные своей крупностью и спелостью грейпфруты. Завернутые в золотую фольгу шоколадные конфеты размером с крупный грецкий орех, коробки с печеньем, жестяные банки с изюмом в шоколаде.

– Спасибо, – сказала Юля, повернувшись к окну и адресуя слова благодарности в сторону черной машины, которая уже давно потонула в прохладном воздухе ночного тихого города.

А спустя несколько минут раздался телефонный звонок, и Крымов сообщил, что ему только что позвонили из прокуратуры: труп, который они нашли на бывшей даче Бассов, опознали соседи-дачники.

– Герман Соболев? – спросила Юля.

– Герман Соболев.

– Бедная Рита.

Глава 6

Ее разбудил звонок Марты Басс.

– Извините, что звоню так рано, но я вас вчера так и не дождалась. И звонила, и приходила к вам.

– Да-да, я как раз занималась делом вашей дочери. – Юля с трудом разлепила веки и теперь пыталась прийти в себя после глубокого сна. – Нам с вами просто необходимо встретиться. Того, что вы написали на бумаге, явно недостаточно, чтобы представить себе полную картину жизни Риты. Кстати, она так вам и не позвонила?

– Нет... – ответила Марта глухим голосом. – Мы уже не знаем, что и думать.

– Вы сможете сейчас приехать ко мне?

– Конечно. Возьму такси и через двадцать минут буду у вас...

Юля положила трубку и взглянула на будильник: шесть часов! «Кошмар!» А она даже не спросила Марту про деньги. А что, если Бассы так и ограничатся обещаниями? Как сказал Крымов: они не бросают на ветер не только слова, но и деньги. И к чему было Марте говорить сейчас, что она приедет к ней на такси, уж не для того ли, чтобы подчеркнуть, что ей придется потратиться?

Юля с трудом поднялась с постели и, слегка заправив ее, поплелась в ванную и встала под прохладный душ. Но очень быстро замерзла и пустила чуть ли не кипяток. Зато окончательно проснулась и, расположившись на кухне с феном в руке и нежась в теплых струях воздуха, которые играли ее мокрыми волосами и приятно щекотали голову, съела несколько виноградин, персик и одну большую грушу.

Позавтракав таким образом и приведя себя в порядок, она встретила Марту в строгом черном брючном костюме из мягкой эластичной ткани.

– Хотите кофе? – спросила Юля тоном светской дамы, но встретив немигающий, полный страдания взгляд Марты, готова была провалиться от стыда за свою бестактность. Однако быстро сообразив, что расслабление может повернуть их деловые отношения в чисто эмоциональное русло, Юля решила не извиняться, а только добавила: – Чашка кофе с утра еще никому не помешала... Пойдемте.

На кухне, где не было уже ни следа от ночного пиршества, а пустая корзинка, стоявшая на подоконнике, казалась лишь приятным воспоминанием и доказательством того, что чудесные фрукты ей не приснились, Юля предложила Марте кофе, печенье и, достав блокнот, приготовилась задавать ей вопросы.

– Скажите, вы не могли бы вспомнить фамилию человека, которому вы продали свою дачу?

– Я ее отлично помню, – немного оживилась Марта и отхлебнула горячий кофе. – Соболев. Герман Соболев. Вы думаете, что он и есть тот парень, с которым сбежала Рита?

– Я пока не знаю... Поэтому мне бы хотелось выяснить, Рита встречалась когда-нибудь в вашем присутствии с Германом, и если да, то при каких обстоятельствах? И как вы вообще вышли на этого покупателя? Это была выгодная сделка?

– Подождите, не так быстро... Мы дали объявление в несколько газет, и примерно через неделю нам позвонил этот Герман. Он сказал, что прежде, чем говорить о цене, надо бы осмотреть дачу. И мы договорились о встрече.

– Вы поехали вместе с Ритой?

– Да, Рита была с нами. У нас нет машины, и мы попросили Германа, чтобы он заехал за нами на своей. С нами поехала и моя мама.

– И что было дальше?

– Ничего особенного. Герману понравилось место, мы поговорили и, немного уступив в цене, договорились встретиться на следующей неделе, чтобы оформить продажу. Герман сказал, что постарается сделать так, чтобы мы все это успели сделать за один день.

– Вы не спрашивали его, чем он занимается? И вообще кто он такой, этот Герман?

– Нет, к сожалению, я ничего о нем не знаю. Но впечатление он произвел благоприятное, это даже моя мама отметила. Вежливый такой, обходительный.

– Вы с Ритой не разговаривали потом о нем?

– Нет. Рита не такая девочка, чтобы обсуждать с нею парней... И почему вы заинтересовались нашей бывшей дачей и Германом? С чего вы взяли, что он может быть каким-то образом связан с Ритой?.. – Марта говорила с придыханием, и было заметно, что она взволнована. – Почему вы замолчали?

– Понимаете, когда вы сказали, что ваша дочь взяла с собой теплые вещи, я почему-то сразу же подумала о даче. Ведь если бы она, к примеру, собиралась пожить некоторое время в квартире своего друга... то есть, я имею в виду, в нормальной квартире, то навряд ли стала бы забирать свои свитеры и куртки. – И вдруг Юля поняла, что не спросила у Марты самого главного: – Скажите, Марта, вы были дружны со своей дочерью?

Марта подняла на нее глаза и посмотрела так, словно ее спросили о чем-то неприличном.

– Разумеется. Я всегда была в курсе всех ее школьных дел.

– Но почему только школьных? Ответьте мне, только искренне, если бы Рита влюбилась, она бы рассказала вам об этом?

– Влюбилась? Да вы смеетесь! Она презирала мужчин.

– Как это... презирала? С какой стати? Насколько мне известно, в таком возрасте, в каком находится ваша дочь, девочки судят о мужчинах в основном по своим отцам и по книжкам... У вас был муж, Марта... Они ладили с Ритой?

– Миша был идеальным мужем, и Риточка его обожала. Но он был исключением...

– Вы хотите сказать, что после смерти мужа у вас появился другой мужчина, который оказался...

– Да что вы себе позволяете?! – возмущенно воскликнула Марта, нервно допивая уже остывший кофе. – Никого у меня не было.

– Тогда мне непонятно, почему тринадцатилетняя девочка может презирать мужчин... и почему она не могла влюбиться? Это вы ей внушали подобные мысли?

– В некоторой степени да. Я старалась ее предостеречь, ведь это так естественно.

– Вот мы и подошли к самому главному. Давайте все же представим себе, что Рита влюбилась. Зная о том, что вы не одобрите ее чувство и попытаетесь ей помешать встречаться с понравившимся мальчиком, она, начитавшись романов, сбегает из дома. Но куда ей идти, где спрятаться? Мальчик или парень скорее всего живет не один, у него семья – родители, брат или сестра. Остается только одно – дача. Но вы ее продали.

– Вы были на нашей даче?

– Были.

– И что?

– Понимаете... Я потому и начала вас расспрашивать о Германе, что мы нашли его этой ночью мертвым на вашей бывшей даче.

– Мертвым?

– Представляете, какое совпадение? Ведь если бы я не настояла на этой поездке, которая была, согласитесь, основана лишь на моей интуиции, его бы долго искали. Я не эксперт, но, по-моему, он умер где-то вчера вечером, поскольку Крымов, это мой шеф, был на вашей даче днем, но никого там не застал... Вот и выходит, что Герман появился там вечером и... умер.

– Вы говорите, что он умер. То есть вы хотите этим сказать, что он умер естественной смертью?

– Этого я пока вам точно сказать не могу, причину смерти мы узнаем только после вскрытия. Но чисто внешне его смерть действительно выглядит, как естественная.

– А там... на даче не было Ритиных вещей?

– Нет, мы осмотрели все комнаты. Кроме яблок, на полу почти ничего.

– Мне звонила мама Володи Сотникова и говорила о вашем приходе. Мне кажется, что его не стоит тревожить. Володя не такой мальчик, чтобы скрывать что-то от своих родителей. Уверю вас, если бы он что-то знал, то непременно рассказал бы в первую очередь мне. Он любит Риточку, и хотя я всегда относилась к этой ЛЮБВИ с иронией, Володя все равно продолжал мне нравиться. Он все-таки из хорошей семьи, и у него в голове нет дурных мыслей... я имею в виду секс... А что касается Германа, то я просто уверена, что Рита здесь ни при чем...

– Что вы хотите этим сказать?

– Только то, что они в принципе не были знакомы. Вы хотите еще о чем-нибудь меня спросить?

– Не могли бы вы позволить мне осмотреть Ритину комнату, скажем, сегодня вечером? Только прошу вас ничего там не прибирать, пусть все останется так, как было при ней.

– Как странно и страшно это слышать. Хорошо, приходите сегодня вечером. В принципе вы сможете прийти к нам в любое время, поскольку мама всегда дома. Теперь деньги. – Марта открыла сумочку, достала кошелек, и десять новеньких сто долларовых купюр перекидывали в руки Юли.

– Здесь ровно столько, сколько вы говорили. – Марта встала и, даже не глядя на Юлю, молча направилась к двери. Уже перед тем, как выйти из квартиры, вдруг повернулась и сказала: – Только, умоляю вас, не задавайте лишних вопросов маме. Она все эти три дня сидит в комнате Риты и отказывается есть. Боюсь, что после того, как Рита отыщется, мне придется заняться лечением маминых нервов...

– Хорошо, обещаю вам.

Ощущение того, что Марта что-то недоговаривает о своей дочери, оставалось еще долго, и Юля исчеркала несколько страниц толстого блокнота, придумывая разные причины столь странных отношений дочери и матери. Рита презирает мужчин. Скорее всего мать, опасаясь, что ее чадо в силу своей неопытности и присущего возрасту романтизма может поддаться первому любовному порыву и забеременеть, внушала Рите мысль о том, что все мужчины – подлецы, и тому подобную чушь. Эта схема должна была защитить тринадцатилетнюю девочку от каких бы то ни было посягательств на нее со стороны мужчин, которые уже одним своим присутствием должны были вызывать в девочке негативные чувства, начиная с брезгливости и кончая элементарным страхом. Но что, если подобная схема возымела обратное действие, и Рита наперекор маминым страшилкам влюбилась и решила доказать ей, что та не права, что Ритин избранник вполне достоин любви и всяческого уважения? Хотя навряд ли Рита, решившись бежать, стремилась что-то доказывать кому бы то ни было. Она влюбилась, и этим все сказано. И даже если ее парень негодяй, о существовании которых чересчур усердно предупреждала ее мать, то Рита этого все равно не заметит в силу своего чувственного ослепления.

Рассуждая таким образом, Юля на машине добралась до агентства и, увидев в приемной Надю, первым делом спросила ее о записке:

– Представляешь, совершенно из головы вылетело. Надеюсь, что ты ее не потеряла?

Надя с улыбкой протянула Юле тонюсенькую прозрачную папку с вложенной в нее запиской, а если точнее, то фрагментом исписанного тетрадного листа. К счастью, отпечаток грязной подошвы находился не на той стороне, где размещался написанный от руки текст, а там, где был записан номер телефона, поэтому Юля легко прочитала фрагмент загадочного послания: «... должно быть темно. Везде темно, а здесь почему-то светло, что-то не в порядке. И где остальные?.. Где же они?.. Все не так, Г., все не так. Их здесь нет, их нигде нет. Ах! Что это, Г.? Да вон, посмотри!»

Текст был написан с сокращениями, поэтому Юле пришлось переписать его на компьютер полностью, чтобы потом вывести через принтер и уже спокойно изучать, ломая голову над тем, кто такой «Г.» и кого это «здесь нет». Вместо многоточий, которые проставила в своем варианте записки Юля, стояли какие-то звездочки. Возможно, это был шифр, но скорее всего какая-нибудь игра.

– Знаешь, – говорила Надя, наливая Юле кофе и улыбаясь хитрой и довольной улыбочкой, – по-моему, я где-то это уже слышала.

– Теперь осталось самое малое – вспомнить. Займись номером телефона и заодно отправь записку на экспертизу, пусть скажут, принадлежит ли этот почерк кому-нибудь из Садовниковых. – Юля внимательно посмотрела на Шукину. – Надя, ты сегодня так неприлично улыбаешься, что меня все время подмывает спросить, что случилось. Насколько мне известно, ты вчера покинула рабочее, хотя и довольно теплое, местечко поздно, после чего поехала домой, так?

– Так, да только поехала я совсем не домой. Если бы ты знала, где я сегодня провела ночь, ты бы не приняла из моих рук кофе.

– Это еще что такое? Ну не на помойке же ты спала, свернувшись клубочком?

– Хуже. Как говорится, бери ниже.

И Юлю осенило.

– Чайкин? Ты ночевала в морге у Лешки? Ты это серьезно?

– Ну не то чтобы ночевала, потому что спать-то мы отправились к нему домой, благо, что он живет неподалеку от мединститута. Так что отвечай, подруга, почему ты не передала мне пламенный привет от Чайкина и не сказала, что он приглашал меня к себе?

– Но я не думала, что это настолько серьезно. Извини. Значит, вместо того, чтобы вскрывать Садовниковых, он вскрывал...

– Не хами. Он работал, а я смотрела. Нужно же мне было как-то убить время. Дома-то меня давно никто не ждет, а так хоть развлечение какое-никакое.

– И давно ты с ним знакома?

– Года три, не больше. Мы встречались довольно часто в одной компании. Хотя Чайкин, конечно, волк-одиночка. Думаю, что это работа наложила на него такой отпечаток. Согласись, что не каждая женщина согласится жить с человеком, от которого постоянно пахнет трупами.

– А как ты отнеслась к этому запаху? – Юля хотя и понимала, что задает довольно интимный вопрос, все равно не могла остановиться.

– Я когда-нибудь тебе расскажу, каким образом я приводила Лешку в порядок, прежде чем лечь с ним в постель. А сейчас подготовься – шеф идет.

Юля обернулась и увидела стоящего на крыльце Крымова. Казалось, что он кого-то поджидает.

– Надо же, и как ты его увидела? У тебя что, глаза на затылке?

– Нет, просто я хороший секретарь, который узнает машину своего шефа по звуку мотора.

– Понятно. – Юля инстинктивно повернулась к зеркалу, чтобы поправить прическу. Затем судорожным движением полезла в карман за помадой. – Слушай, я тебе не успела рассказать самого главного. Вчера мы с Крымовым ночью ездили на бывшую дачу Бассов и нашли там труп Германа Соболева. Но об этом я расскажу тебе чуть позже. А сейчас мне нужны результаты экспертизы. Если Крымов начнет жадничать и не даст денег экспертам, хотя прошел уже целый месяц с того дня, как мы выплачивали им зарплату, скажешь мне, и я заплачу свои.

– Да ты с ума сошла!

В эту минуту в приемную широким шагом вошел Крымов. Он был мрачнее тучи. Даже его прекрасные голубые глаза потемнели и теперь смотрели поверх голов сотрудниц.

– Салют! – проронил он, обводя тяжелым взглядом приемную. – Кто здесь сошел с ума? – Видимо, он услышал последнюю, сорвавшуюся с языка Щукиной фразу, обращенную к Земцовой.

– Никто. Я привезла деньги от Марты Басс, – сказала Юля, делая вид, что ее не интересует плохое настроение шефа. – Тебе отдать или Наде?

– Наде. Новостей нет?

– Надя съездит за результатами экспертизы, тогда можно будет сдвинуться с места по делу Садовниковых.

Крымов хмыкнул и скрылся в своем кабинете. Но уже и это обрадовало Юлю. Все же лучше, чем выслушивать нытье шефа по поводу нехватки денег и гордые заявления об отсутствии альтруизма в его характере.

– Надя, а ты не знаешь, когда вернется Шубин?

– Сегодня к вечеру. Что, соскучилась?

– Думаю, что он поддержит меня в деле Садовниковых. А сейчас я поеду к Канабеевой, это еще одна подруга Лоры, после этого навещу Арсиньевича, хотя, чувствует мое сердце, уж он-то ничего интересного мне о своем директоре не расскажет. Ему чем мутнее водичка, тем спокойнее для него. Больше того, мне кажется, что он замешан в этом убийстве.

– Ты все-таки не допускаешь мысли о самоубийстве?

– Нет.

Зазвонил телефон. Надя сняла трубку.

– Тебя, – сказала она удивленно и протянула ее Юле.

– Слушаю. – Юля и без того чувствовала, кто звонит.

– Доброе утро, Юлия.

– Доброе утро, Павел Андреевич. Спасибо за персики.

– Ты, наверно, как всегда, занята?

«И все же, что бы ни говорил Крымов, у Ломова очень приятный мужественный голос...»

Она почувствовала это кожей, всем своим существом. Она представила себе «горбуна из Нотр-Дама» и усмехнулась получившейся картинке. В постели с горбуном. Говорят, что мужчины с физическими изъянами компенсируют свою ущербность искусством любви. Что проку от красавца Крымова, который принадлежит всем женщинам без разбору? Быть может, лучше принадлежать уроду, но страстному, необузданному?..

– Занята, – она старалась говорить нейтральным тоном, чтобы не выдать охватившего ее физического волнения.

– Я бы хотел увидеть тебя, встретиться с тобой.

Он так естественно перешел на «ты», что Юля даже не сразу это заметила. Она молчала и не знала, что ответить.

– Ты молчишь, потому что не знаешь, что сказать. Я понимаю, ты сейчас в приемной, рядом стоит секретарша и подслушивает наш с тобой разговор. Передай ей от меня привет.

– Хорошо. – Юля бросила на Щукину извиняющийся взгляд и пожала плечами, продолжая прижимать к уху трубку.

– Ты знаешь небольшой частный ресторан «Клест» на углу Бахметьевской и Ильинской?

– Знаю, конечно.

– Я буду ждать тебя там в семь часов, тебя это устроит?

– А вам можно будет перезвонить, если меня, к примеру, не будет в городе?

– Разумеется. Надеюсь, у тебя еще сохранился мой вчерашний номер?

Юля запомнила его наизусть.

– Тебе неудобно говорить? Я понимаю. Тогда до встречи. Подожди. Я же знаю, о чем ты хочешь спросить меня: форма одежды? – Он хрипловато хохотнул: – Форма одежды – караульная!

- Теперь уже засмеялась Юля. Она поняла, что может одеться как заблагорассудится.
- Целую тебя, милая, – и он отключился.
 - Тебя можно поздравить? Вы, кажется, договорились о встрече?
 - Только не торопись докладывать об этом Крымову, тем более что он сегодня не в духах.

* * *

Соня Канабеева была похожа на мужчину. Она курила, сидя на низком, обитом розовым бархатом пуфе, и меланхолично покачивала носком домашней туфли, расшитой цветным шелком. На ней были черные широкие блестящие атласные брюки, желтый парчовый жакет. Это была эстетствующая лесбиянка с ярко выраженными внешними признаками, начиная от короткой стрижки и бледного, «мужского» макияжа и кончая низким грубым голосом.

Соня уже знала о смерти Лоры Садовниковой и разговаривала с Юлей как с человеком, явно подозревающим ее в убийстве подруги.

– Мне не было причины убивать их, – заявила она в самом начале разговора, чем буквально шокировала Юлю. – Но то, что это самоубийство, – сразу же предлагаю вам выкинуть из головы.

У нее и походка-то была мужская, и курила она трубку, набитую крепким голландским табаком, запах которого Юля знала еще со времен своего неудавшегося замужества. Такой же сорт табака курил Земцов.

– Я не собираюсь вас ни в чем обвинять. – Юля осматривала забитую антиквариатом огромную комнату и пыталась понять, чем дышит хозяйка и чем занимается, кроме того, что курит. Казалось, что ничем. Разве что книги читает. В основном классику: Набокова, Агеева, Саган, Мёрдок. – Понимаете, вчера в разговоре с вашими приятельницами мне показалось, что они от меня что-то утаивают. Я уверена, что кто-то из них уже позвонил вам и рассказал о том, что муж Лоры приходил к нам в агентство с просьбой выследить Лору с любовником.

– Это полный бред! У нее не было никакого любовника, и вообще, как мне кажется, Лора была фригидной женщиной. Она не любила рассуждать о сексе, хотя довольно спокойно относилась к моим ухаживаниям. Я думаю, что это минус прежде всего мне как активному партнеру. Она воспринимала мои объятия и поцелуи чисто по-дружески и не трепетала, когда я обхватывала ее за талию. А как Лора была сложена! Я не уверена, что смогу прийти на похороны, я не хочу, чтобы в моей памяти Лора оставалась мертвой. У меня есть великое множество ее фотографий, и я буду жить ими.

– Вы... любили Лору? – Юля и сама испугалась такого смелого вопроса.

– Да, ее все любили. Ее просто невозможно было не любить.

– А вы не знаете, она не собиралась в ближайшем будущем полететь куда-нибудь на самолете? Или, может, кто-то должен был прилететь к ней? Дело в том, что Сергей Садовников обнаружил в мусорном ведре обрывки авиабилетов.

– Да пусть он подавится этими авиабилетами! – вдруг закричала Соня, поднимаясь с пуфа, и, размахивая руками, принялась ходить взад-вперед по комнате, чуть ли не сбивая какие-то вазы и статуэтки. В принципе ее высокая худощавая фигура в черно-желтом сверкающем одеянии прекрасно гармонировала с обстановкой комнаты и воспринималась как ее составная часть. Бледное лицо Сони в обрамлении коротко подстриженных черных волос пошло красными пятнами. Она сильно нервничала, и когда вдыхала в себя дым, щеки ее, как будто сделанные из тонкого розоватого пергамента, втягивались, проваливаясь под скулами, сильно меняя при этом лицо. – Это Лоре надо было рыться в его карманах или том же мусорном ведре, уж она бы собрала богатый урожай, черт меня подери!

– Я не совсем понимаю.

– Еще бы. Этого никто не понимал, но такова жизнь. Иметь такую женщину, как Лора, и изменять ей со всеми подряд – вы меня извините.

– Садовников изменял жене?

– Как черт. Если бы я была иначе сориентирована, он бы и меня затащил в постель. И не сказать чтобы ему это нужно было чисто физически. Я как-то говорила с ним на эту тему. Все дело в антураже. Ему нравилось окружать себя красивыми, оригинальными девушками и женщинами и заниматься с ними любовью. Думаю, что истоки этого неистребимого желания ОБЛАДАТЬ следует искать в его детстве. Он мне признался как-то, что когда ему было около тринадцати лет, его почти изнасиловала взрослая женщина. Она была очень красива и знала, чего хочет. Понимаете, это она ПОИМЕЛА его, а не он ее. И, может быть, он не обратил бы на это внимания, если бы она сама ему об этом не сказала. Похоже, ей тоже надо было на ком-то отыграться. Понимаете, для мужчины обладание женщиной – это как воздух. Я почему вам обо всем этом рассказываю, потому что во мне намешано много и женского, и мужского. У меня одно бедро обтянуто чулком с кружевной резинкой, а другое в брюках. Я кажусь вам смешной? Но у меня интересная жизнь, и я хочу просто поделиться с вами своими ощущениями именно как мужчина...

– Надеюсь, что вы не захотите меня как женщину? – попробовала пошутить Юля и вдруг, произнеся это, похолодела от ужаса: а что, если это костлявое среднего рода существо сейчас набросится на нее и начнет раздевать?

– Вы пришли поговорить о Лоре, поэтому у нас уже ничего не получится.

– Вы успокоили меня. Но вернемся к Сергею. Вы могли бы назвать хотя бы нескольких женщин, которые были его любовницами?

– Сколько угодно, начиная со всех ее подружек: Гусарова – у них был долгий роман, Аня Дианова – мы одно время проводили время вдвоем, еще называть?

– Конечно.

Соня деловито диктовала, выдавая с головой своих подружек и партнерш, и даже поправляла Юлю, если ей казалось, что та неправильно пишет фамилию очередной любовницы Садовникова.

– Не много ли? – засомневалась Юля, когда в ее руках оказался целый список, в который входили все без исключения подружки Лоры.

– Не знаю, у разных мужчин все по-разному. Но он любил женщин.

– Насколько я поняла, он никем не увлекался всерьез?

– Разве что Полиной.

– А это кто? – Юля поискала глазами имя Полины. – Полина Пескова?

– Вам не кажется, что я и так рассказал слишком много?

Все-таки она произнесла «рассказал», а не «рассказала».

– Да, я очень благодарна вам.

– А что касается авиабилетов, то к ней иногда прилетала на самолете ее сестра из Питера Лиза.

– Сестра? У нее была сестра?

– Конечно. Скорее всего это были ее билеты. У Лизы с Сергеем почему-то не сложились отношения. Я подозреваю, что она узнала о нем что-то такое, после чего просто не могла его видеть. Но сестры встречались, это точно. Я сам подвозил один раз Лору в аэропорт, и хотя она сказала мне, что ее интересует какой-то магазинчик, расположенный в аэропорту, я все же проследил за нею из машины и дождался, когда она спустя четверть часа вышла из здания аэровокзала под руку с очень похожей на нее женщиной, но, правда, чуть старше ее. Я уже тогда знал о существовании сестры.

– И где же останавливалась Лиза, когда приезжала сюда?

– В гостинице, я не думаю, что она улетала в этот же день обратно.

– А родители их живы?

– Кажется, нет. Я вспомнил, Лора была еще подростком, когда у нее умерли родители или погибли, я не могу сказать точно. Лора жила в маленькой квартирке за речным портом и преподавала в школе русский язык и литературу.

– А ее сестра Лиза?

– А она жила с мужем в Ленинграде и как могла помогала младшей сестре.

«А что, если в агентство приходила не Лора, а Лиза?» Юле стало даже жарко от этой мысли. Беседуя с Соней, она в который раз убедилась в том, что на свете нет ничего интереснее людей. И даже такой оригинальный экземпляр, как Соня Канabeeва, был интересен своей непредсказуемостью и странностью. Несмотря на ее сексуальную ориентацию, в ней была бездна обаяния, компенсирующая чувство отвращения, которое могло возникнуть у человека, не разделяющего ее взгляды и принципы. «Может, позволить ей соблазнить меня?»

* * *

В машине Юля устыдилась своих мыслей. И приписала их долгому воздержанию.

Ей предстояла встреча с замом Садовникова.

– Вы Земцова? – Стас Арсиньевич встретил ее в дверях своего офиса и предложил сесть в низкое глубокое кожаное кресло. – Очень приятно познакомиться. Хотя если честно, то меня немало удивил тот факт, что Сергей обращался к вам.

– Отчего же?

– Мне бы не хотелось отвечать на этот вопрос.

– Да бросьте вы. Почему бы вам не сказать прямо, что ваш шеф не очень-то доверял частным конторам вроде нашей? Я пойму. Но учтите и такую немаловажную деталь, что человек подчас говорит не то, что думает. Это встречается сплошь и рядом. Он мог сказать вам, что не доверяет детективному агентству, в то время как сам собирался навестить нас. Это как поход к психиатру или гинекологу: не хочется, но надо. И раз он пришел к нам, значит, почувствовал какого-то рода безысходность. Вы согласны со мной?

Арсиньевич, полноватый, но энергичный на вид брюнет с узкими хитрыми глазами и толстыми губами, разглядывал Юлю довольно похотливым взглядом.

– Я и не знал, что в детективном агентстве работают девушки, да еще такие привлекательные.

– Я думаю, что теперь, когда погиб ваш шеф, вы должны думать в первую очередь о том, кому понадобилось его убить, позаботиться о достойных похоронах четы Садовниковых.

– Я уже позаботился и, поверьте мне, многое сделал. И не нужно меня учить. Ваша смазливая мордашка еще не дает вам права так разговаривать со мной. – Лицо Арсиньевича было невозмутимым, а глаза продолжали раздевать Юлю.

– Я пришла к вам, чтобы предложить свои услуги в качестве частного детектива и помочь разыскать убийцу вашего шефа. Мне подумалось, что вы должны быть заинтересованы в том, чтобы мы нашли убийцу, поскольку смерть Садовникова может быть напрямую связана с его коммерческой деятельностью. Но, судя по вашему поведению, вы не так уж огорчены фактом его смерти. Это наводит меня на кое-какие размышления.

С этими словами Юля поднялась и, покачивая бедрами, направилась к выходу. Она ждала, что Арсиньевич одумается и остановит ее, но так и не дождалась этого.

Выходя из офиса, она вдруг живо представила себе выражение лица Крымова, когда она расскажет ему о своем фиаско, и настроение ее резко упало. Неужели во всем городе не найдется человека, которому была бы небезразлична смерть Лоры и Сергея?

Вместо того чтобы поехать к Елене Мазановой, Юля вернулась в агентство, чтобы с помощью сердобольной Щукиной зализать раны.

– Бутербродов нет, кончились, а купить продукты я не успела, потому что ездила за результатами экспертизы.

Щукина почти насильно вывела Юлю из приемной:

– Хватит питаться бутербродами, надо же иногда поесть и чего-нибудь горяченького. Я только что позвонила в «Тройку», там сегодня подают гуся. Пойдем пообедаем, а заодно ты сможешь просмотреть эти бумажки. Уверена, что они сейчас интересуют тебя больше всего на свете. – С этими словами Надя сунула ей в руки толстый коричневый пакет, набитый экспертными заключениями.

Небольшой ресторан под сохранившимся еще с начала века названием «Тройка» был далеко не пуст, как предполагала Юля, но им с Надей повезло: они заняли столик возле самого окна, да к тому же еще и чуть в сторонке ото всех остальных.

– Ты заказывай, а я почитаю, – и Юля углубилась в чтение. По мере изучения результатов экспертиз она делала записи в своем блокноте, ставя попутно новые вопросы, связанные с обследованием нижнего белья Лоры и Сергея. То, что она узнала из заключения, удивило ее невероятно: если ночная сорочка, боди и пеньюар скорее всего принадлежали Лоре, то кружевные трусики, обнаруженные на постели, содержали совершенно другую группу примесей вагинального происхождения. А вот семенная жидкость, обнаруженная на всех предметах женского туалета, принадлежала явно одному и тому же мужчине. И если на боди были выявлены пятна японских духов, то на трусиках – польского одеколора «Рококо». Волосы, найденные в складках белья, тоже принадлежали двум разным женщинам: блондинке и шатенке. Но если блондинка была натуральная, то шатенка – крашеная. Мужской волос принадлежал скорее всего Сергею, но это можно будет проверить чуть позже, когда будут готовы результаты вскрытия и Чайкин сможет ответить на любой поставленный ему вопрос.

Что касается содержимого дамской сумки, то на всех имеющихся там предметах обнаружены отпечатки пальцев одной и той же женщины – Лоры. И японские духи «О», найденные в сумочке Лоры, идентичны тем, пятна которых обнаружены на боди.

– Ты будешь есть или подождешь, когда все остынет? – Надя придвинула Юле тарелку с ломтиком гусяного филе, залитого красноватым желеобразным соусом. – Очень вкусно, это клюква.

Юля тряхнула головой и сунула конверт обратно в сумку. Посмотрев в свою тарелку, она сглотнула слюну: да уж, гусь действительно выглядел аппетитно.

– Надя, в ночь убийства в спальне была не одна, а ДВЕ женщины. И вторая тоже лежала в постели, прежде чем я увидела ее на газоне. Если бы тогда знать, что видишь перед собой убийцу или свидетеля. Но она стояла ко мне спиной, и я не запомнила даже цвета ее волос. Только розовый сарафан. Но такими сарафанами заполнены все вещевые местные рынки. Хоть бы нашелся след ее туфель!

– Мы с тобой сейчас сидим за столом, и я понимаю, что в такой ситуации не принято говорить о трупах, но ведь ты забыла, наверное, что я вчера присутствовала при вскрытии Лоры.

– Конечно, забыла! У меня, должно быть, что-то случилось с головой – как только почувствую ответственность, так мозги засоряются всякой чушью. Ну и что ты можешь сказать, господин эксперт?

– А тебя не стошнит?

– Нет, конечно.

И Надя принялась красочно расписывать, как Чайкин производил вскрытие трупа Лоры Садовниковой.

– Да, пожалуй, говорить об этом было бы лучше ДО обеда, – жалобным голосом произнесла Юля, давась салатом. – Я и сама не ожидала от себя такой реакции.

– А может, ты беременна?

– С чего бы? Кстати, ты мне еще ничего не сказала о номере телефона на записке, которая прилипла к Нориной подошве. Ты выяснила, кому он принадлежит?

– Выяснила. Хорошо, что ты сидишь. Это домашний телефон Сырцова.

– Прокурора области?.. Ты что, звонила Корнилову?

Юля имела в виду старшего следователя прокуратуры Виктора Корнилова, бывшего шефа Крымова, который, как ни странно, частенько помогал Крымову, что приводило ее в некоторое недоумение. Хотя Щукина уже давно сделала на этот счет свой довольно-таки логический вывод, что Крымов вообще организовал частное детективное агентство с ведома Корнилова, предварительно договорившись с ним о сотрудничестве. Кроме того, вполне возможно и то, что Корнилов каким-то образом был связан с теми деньгами, которые свалились на Крымова с неба, и даже вошел с ним в долю.

– Сырцов... Этого еще не хватало.

– Послушай, по-моему, я тебе ясно сказала, что Нора подобрала этот клочок бумаги, возможно, и не в квартире Садовниковых, а, скажем, на улице или даже в машине, в которой находилась вся опергруппа. Вполне вероятно, что эта записка имеет отношение к какому-нибудь работнику прокуратуры. Так что ты лучше бы не торопилась с выводами...

– Послушай, Надя, а нельзя расспросить всех, кто находился в тот день рядом с Норой и у кого из кармана могла выпасть эта злосчастная бумажка? И тогда у меня одной головной болью станет меньше.

– Об этом надо говорить с самой Норой.

– Вот и поговори.

– Ладно, поддаюсь. Но ты почти ничего не съела.

– А ты мне поподробнее рассказывай про морги и вскрытия, глядишь, я совсем перестану есть. Хотя вообще-то мне наедаться сегодня нельзя, я приглашена на ужин в «Клест».

– «Клест»? Да это же самый шикарный ресторан в нашем городе! Везет некоторым!

Юля посмотрела на Щукину и тут же, представив себе зловоние, посреди которого произошло ее свидание с Чайкиным, почувствовала подкатывающуюся тошноту. Не хотела бы она иметь в любовниках этого Лешу.

* * *

Вернувшись в агентство, сытые и чуточку сонные Надя с Юлей, к своей великой радости, обнаружили там оголодавшего и заросшего бородой Шубина, пытавшегося соорудить себе сложный бутерброд из шпрот и вареного яйца с майонезом.

– Игорек, бедняжка, – Щукина так просто повисла у него на шее и чуть ли не засучила ногами от счастья. – Ну наконец-то в нашей конторе появился хоть один настоящий мужчина.

– Мужчина? Тебе нужен мужчина? – отозвался с набитым ртом Шубин, ласково прижимаясь щекой к Наде и улыбаясь. – Я всегда готов.

– Нет, ты слышала, что говорит наш Игорек? Похоже, и его черт попутал. Раньше он никогда не позволял себе таких разговорчиков.

– Да это же ты его и испортила! – расхохоталась Юля. – Ну, здравствуй, Игорек, ужасно рада, что ты вернулся. Надеюсь, съездил удачно?

– Порядок, – кивнул Шубин, отхлебывая из большой красной фарфоровой чашки кофе. – Крымов будет доволен. Снимки, видеозапись – все в ажуре. Деньги отработаны, а это значит, что мы с вами скоро получим зарплату.

– Шубин, у меня к тебе есть разговор. Я понимаю, конечно, что ты с дороги, что тебе сейчас надо «принять ванну и выпить чашечку кофе», но будет лучше, если я тебе все же расскажу, чем мы тут с Надей занимаемся пару дней, пока тебя не было, чтобы потом рассчитывать или НЕ рассчитывать на твою помощь.

– Звучит неплохо. У нас появились новые дела?

– Появились, да только Крымов ведет себя как-то странно. Смотри, уже три часа, а его до сих пор нет на работе. Он хоть звонил? – обратилась Юля к Щукиной.

– Нет, не звонил.

– Ну вы, ребята, даете. Шеф не звонит, а вы даже не удосужились съездить к нему и узнать, в чем дело. А вдруг ему стало плохо или на него напали?

– На него точно напали...

И Юля принялась вводить Игоря в курс дела. Деталей и подробностей оказалось так много, что на рассказ ушел почти целый час. Шубин слушал внимательно, время от времени делая пометки в своей записной книжке. Параллельно он просматривал заключения экспертов относительно нижнего белья, обнаруженного на месте преступления.

– Вы вот мне все уши прожужжали о том, что это убийство, – вдруг совершенно неожиданно сказал он, хитро сощурив глаза, – а я не исключаю того, что это было самоубийство. Я понимаю, конечно, что это звучит нелепо, мол, они молодые, красивые и богатые. Но все это чушь. Когда люди заходят в психологический тупик, то такие факторы, как молодость, красота и деньги, уже не имеют значения. Это так называемый высший пилотаж проявления чувств.

Юле показалось, что ей дали оплеуху, обвинив в том, что ей недоступен этот самый «высший пилотаж», раз она сразу же напрочь отмела версию самоубийства. Она сидела красная и чувствовала, как снова теряет внутренние силы: Шубин, на приезд которого она так рассчитывала, не поверил ей.

– Ты чего? – он подошел к ней и положил руку ей на плечо. – Юлечка, ты расстроилась? Но почему? Я же не сказал, что не буду тебе помогать. Только было бы неплохо, если бы нас все же кто-нибудь попросил найти предполагаемого убийцу. Ты не поторопилась с выводами? Ведь результаты экспертизы будут готовы со дня на день.

– Вы думаете, что я буду ждать, когда Чайкин напишет заключение? Да у него на это уйдет два дня, не меньше. Я думаю, что надо просто позвонить ему, а потом подъехать и выяснить, о чем он собирается писать. Может, мне и этого будет достаточно, чтобы доказать вам, что никакого это не самоубийство.

– Ты не должна доказывать это НАМ, – живо отреагировал на ее слова Шубин. – Не лезь в бутылку, успокойся. Я прекрасно все понимаю. И то, что у тебя появился нормальный сыщицкий зуд, я только приветствую. Просто хочу посоветовать тебе быть несколько гибче, что ли, чтобы не делать скоропалительных выводов. Надо разрабатывать разные версии, а не заикливаться на одной.

– Но я и не заикливаюсь! – вспыхнула Юля. – Когда я разговаривала с подругами Лоры, то в первую очередь пыталась определить, способна ли она была вообще на такой поступок. Ведь подруги знают иногда куда больше, чем им следовало бы знать.

– Но они все, как одна, утверждают, что Лора не способна на подобное. Думаю, что это невозможно предугадать. Кроме того, налицо ее явное психическое расстройство. Уже тот факт, что она пришла к тебе и начала плести эту чушь про свою вторую жизнь и прочее, а потом, вынув кассету, и вовсе убежала, говорит о многом.

– Это, конечно, понятно. Но согласись, что не каждый день сталкиваешься с таким случаем. А теперь я расскажу тебе про исчезновение Риты Басс. Вчера я получила от ее матери тысячу долларов. – И Юля обстоятельно рассказала о семье Бассов, о визите к ней Марты, о поездке с Крымовым на их бывшую дачу и, наконец, о смерти Германа Соболева.

– Так это была твоя инициатива относительно дачи? – Шубин даже языком прищелкнул – знак того, что он восхищен. – Отлично. Я бы не додумался.

– До чего не додумался-то? Ведь смерть Соболева может не иметь ничего общего с исчезновением Риты... Приехал парень к себе на дачу, ему стало плохо, и он умер. Ты ведь, Надюша, позвонишь, узнаешь, когда будут готовы результаты вскрытия Германа?

– Послушай, что-то слишком много ты на меня навешала. Я ведь так и сломаться могу.

– Не сломаешься, если будешь хорошо питаться и побольше находиться на свежем воздухе.

И все расхохотались, потому что Надя и так ела за двоих, а вот пройтишний раз пешком по городу не желала, жалась в переполненном транспорте, а иногда останавливала такси, даже если ей надо было пройти всего одну остановку.

Шубин, захлопнув записную книжку, куда он записывал сведения о Рите Басс, пообещал Юле навести справки о членах семьи Риты, ее классной руководительнице и Володе Сотникове.

– У меня уже появились некоторые мысли, но их надо проверить. Ты правильно сделала, что обратила внимание на неестественное «презрение», которое Рита якобы испытывала к мужчинам. Все это влияние матери, я в этом просто уверен. Надо бы покопаться в биографии ее мужа. Кстати, ты не знаешь, почему Рита носит фамилию бабушки, то есть материну девичью, а не фамилию отца?

– Не знаю, я даже как-то не задумалась об этом...

– Ну, я пошел. Спасибо за кофе. – Шубин приобнял Надю и, чмокнув Юлю, вышел из приемной.

– Послушай, он мне напоминает весеннее солнышко, – растроганно произнесла Надя, глядя на дверь, за которой скрылся Игорь. – Пришел и осветил все вокруг.

– Чем осветил-то, – засмеялась Юля, – лысиной своей, что ли?.. Надя, я вот Чайкину все расскажу, как ты неровно дышишь к шубинской лысине.

Они обе расхохотались.

– По-моему, я последнее время слишком часто смеюсь, – Юля перевела дух и успокоилась, смахивая слезинки с уголков глаз. – А радоваться-то в принципе нечему. Арсиньевич вел себя по-хамски, Крымов исчез. Давай-ка позвоним ему, что ли.

Она придвинула к себе телефон и набрала номер Крымова. Услышав его голос, Юля от удивления чуть не выронила трубку:

– Так ты дома? Ты здоров?

– А... Это ты, птичка? – послышался щелчок и короткие гудки.

– Ничего не понимаю. Надя, у него был какой-то странный голос. Может, он действительно болен? Поеду-ка я к нему, навещу... Мало ли что.

Глава 7

Юля впервые видела Крымова пьяным. Хотя он и нашел в себе силы подойти к двери и открыть ее, по его лицу она поняла, что он ждал не ее, а свою актрису. О чем он, собственно, и сказал ей сразу же, едва только Юля переступила порог.

– Женья, что с тобой? Неужели ты напился из-за какой-то там вертихвостки?

Крымов сгреб ее в охапку и, дыша в лицо перегаром, со злостью проговорил:

– Она не вертихвостка, понятно?

– Отпусти меня.

– Она ХУЖЕ, чем вертихвостка. Она бросила меня. – И отпустил Юлю так резко, что она с трудом устояла на ногах. Юля едва не залепила ему пощечину, чтобы хотя бы таким образом отрезвить его.

– А ты думал, что только тебе позволено бросать девушек на каждом шагу? Теперь ты испытал на себе всю прелесть односторонней любви?

– Да что ты понимаешь, – он махнул рукой и поплелся в комнату. – Проходи. Правда, у меня не убрано.

Но это было слишком мягко сказано. Огромная квартира Крымова напоминала собой поле битвы.

– Не хватает потешного войска. Она что, привезла к тебе весь свой гардероб? – Юля смотрела на разбросанные по дивану и креслам женские вещи, косметику, какие-то щетки, флакончики, коробки, насадки для фена, домашние голубые тапочки, отороченные белоснежным лебяжьим пухом...

– Я звонил ей с самого утра – ее нигде нет.

Юле настолько неприятно было выслушивать это, что она напрямик направилась к выходу:

– Знаешь что, Крымов, я приехала сюда к тебе лишь затем, чтобы удостовериться, что ты жив и относительно здоров. Мне некогда выслушивать твои стенания по поводу того, что тебя бросила очередная любовница. У меня дел по горло. Кстати, вернулся Шубин и велел тебе передать, что у него все в порядке. Так что, уважаемый шеф, тебе ничего не остается, как только пересчитывать денежки. Бассы, как ты знаешь, нам тоже заплатили. Можешь спать спокойно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.